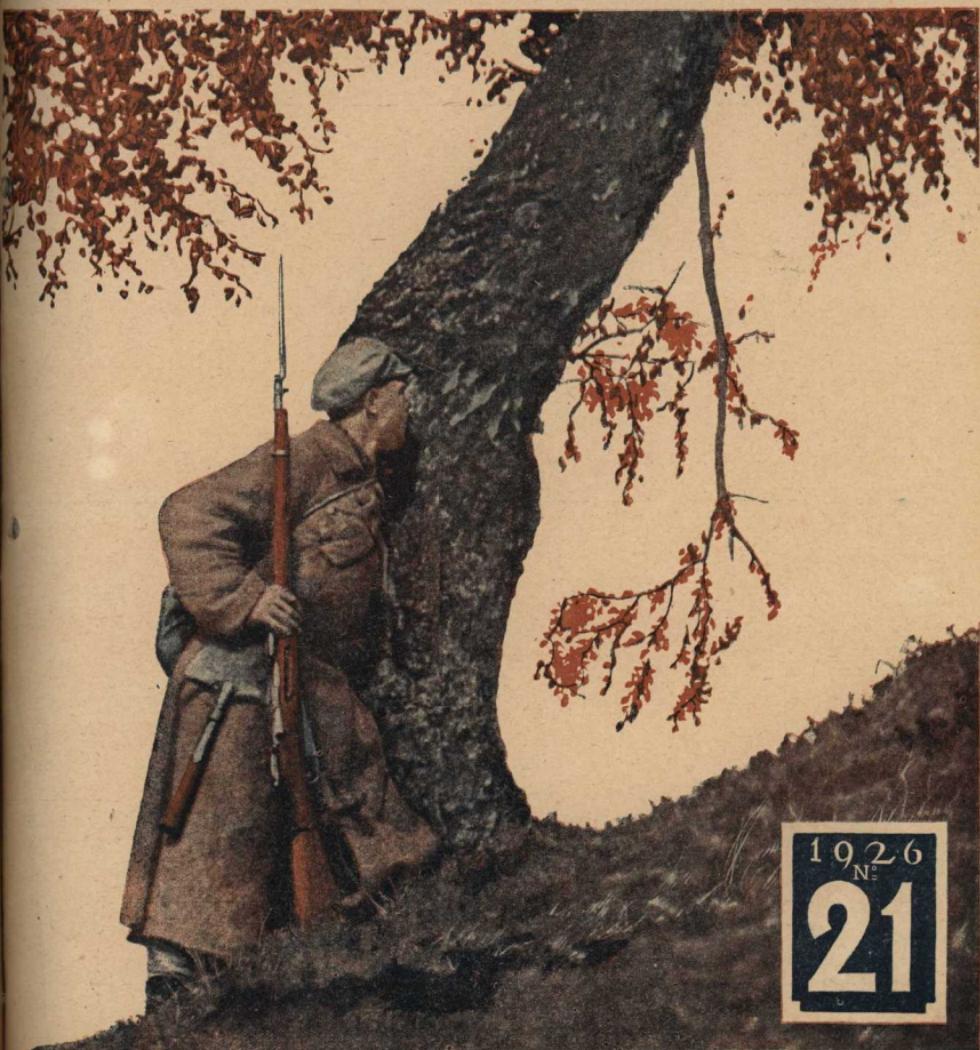

СМЕНА

★ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ★

1926
N°
21

И. Г. Северо-Западскому (Усть-Икора). «Огни престольного праздника» написаны слишком схематично. Фигуры пущены в действие только в нужном для автора направлении, поэтому вся история мало убеждает. Напечатать не можем.

А. Герману. В ваших стихах тяжелы строчки, натянутый ритм, часто требующий неправильного произношения слова; стихи растянуты, много повторений: «я все могу попасть». Да, я могу и погибнуть в сердце вполне радость, и я сегодня всему рад», и др. Часто употребляется неудовольственное сочетание слов: «конграт огня», «гребни борьбы» и т. п. Напечатать не можем.

И. Золотаревскому (Киев). В присланенных стихотворениях много подражательства, усвоенного (Блок, Есенин). Вы говорите еще чужим для вас языком, поэтому скажите, условно и для вас и для читателя. Не напечатаем.

И. Здравицко (Армавир). Рассказ написан слабо, вам совершенно необходимо получить усвоение синтаксиса, практиковаться в привычном изложении, внимательно читаясь в строках наилучшие прописи по стилю авторов (Годской, Чехов, Бунин, Неверов).

И. в. в. Бужу (Северо-Кавказ). В ваших стихах есть некоторые ритмические достоинства, оба стихотворения—варианты на одну и ту же тему. Первое—лучше, второе—также, но второе лучше. Едва ли хватает строк «струйко-жидкое золото». Напечатать не можем.

М. Бабанова (Борисоглебск). Рассказенная история — явление, очень распространенное. Описание ее у вас слабо. Больные могут увидеть новые крепкие характеристики. Стихотворение подойдет к сензажам. Как учиться писать? Целесообразнее всего больше читать, устанавливать и грядумывать прочитанное: уделить время — способы его оформления в художественных произведениях. Следите за современной литературной критикой.

С. Борзенко (Харьков). «Ночь» не пойдет.

М. Зеленскому (Сталинград). Ваши стихи по существу—перефразированные революционные песни. Не пойдет.

С. Чарухину (Таганрог). Рассказ для «Смены» не подходит, тема мелкая, гипсана, неубедительно.

Ю. Капу (Москва). Ваши любовные лирики напоминают старые переплеты романов и строчки-то оттуда: «Я ждал, ты не пришла», или «На отцовской моей коленке», или «С прежней страной вдали явился я оять» и мн. др. Революционная лирика стоит на уровне пифосного рифмования. Советуем изменить вкус.

И. Контееву (без обозна., адреса). Пока приходится говорить только об учени. Вам необходимо. Написано слабо.

Д. Каткову (Куинси). В написанном вами только горячее чувство, но полное неумение. Напечатать не можем.

СОДЕРЖАНИЕ:

М. СЛОНИМСКИЙ—Лавровы (отрывок из романа). Н. ОГНЕВ—В пасти серого волка (продолжение). П. ПОЛАТИН—Волховстрой умирает, рождается Волховская Электрическая станция. Б. НАТАТОВ—Маневры (очерк). С. СМИДОВИЧ—Отчет на отчеты. А. ЛЕВИ—Мертвый город Хара-Хото. Р. АКУЛЬШИН—Хулиганство в деревне. Б. ГРОМОВ—Интернациональные встречи наших спортсменов. Б. ГРОМОВ—Спорт на борьбу с хулиганством. Р. РОМАН—Будильник («Подъезды»).

Иллюстрации: БРИН, П. СТАРОНОСОВА, ЗОТОВА и др.
Снимки: Русс-Фото, «СМЕНЫ».

РЕДКОЛЛЕГИЯ

П. Бляхин, Л. Колесников,
А. Косарев, Г. Никифоров, С. Овчинников.

(Балычев). Д. Калинину (поца Незлобной). И. Осинову (без дома). М. Коркину (Гомель).

НЕ ПОЙДЕТ:

А. Угарову (Киев). А. Гибкову (Москва). С. Рыбкину (без обозн.). К. Антонову (Москва). Б. Провоцкий (Тамбов). И. Свободину (Клиники). В. Тупицкой (Киев). мавину.

ОТВЕЧАЕМО ПИСЬМАМ:

Я. Авербах (Саратов). А. Осинову (Ростов и Дон). Е. Субботину (Архангельск). Е. Ерофееву (без обозн.). А. Коптеву (без обозн.). И. Никитину (Корчев). Б. Пантелеймону (Питирисово). Марку Берг (ст. Осиновичи). Э. Шмидту (город).

БЕСЕДЫ ВРАЧА

Комсомольцу И-пуг. Аму.

Как вывести татуировку?

Если татуировка незначительная,

то самый простой способ хирургического удаления кожного лоскута

(у врача) с последующим зашиванием краев раны. Можно также стериллизованной иглой или лацетом

вскрыть места татуировки и смывать краску растворяющими веществами,

но это сложная и трудная операция,

к которой самому прибегать никому

образом не следует.

Чудо жизни.

Относительно полового бесплодия уже писали в номерах «Смены» за 1925/26 год.

Необходимо окончательно устранивать вызвавшую причину и лечиться. Всего, конечно, не воротишь. Из лекарственных способов указывает на электизацию, массажи, водолечение, для чего необходимо, конечно, обратиться в амбулатории или к соответствующему врачу.

Рославль. Ц. И. «Не является ли производственное течение семени следствием простуды и можно ли вылечить?»

Простуда в данном случае, конечно, не причина. Истечение семени

является в результате опасного перенесенного уретрита. Лишь же то, что и в выше указанном случае половой импотенции. Доказанных радикальных средств патологии нет, а рекламируемые препараты в большинстве случаев

Обратитесь к специалисту врачу.

Комсомольцу [Головину].

Рост человека совершается в возрасте до 28—38 летнего возраста иногда заканчиваясь раньше, иногда позже. При этом рост организма, конечно, не прекращается.

Точных статистических данных, можно полагать, что летом весной рост организма совершается энергичнее, чем зимой и осенью.

Рост организма от 20 до 22 лет совершается очень медленно (1% в год); от 24 до 26 лет обычно временно прекращается, а от 27 до 30 лет растет очень незаметно, чтобы достигнуть к 30 годам окончательного роста.

Впрочем для некоторых паров указаны и более поздние сроки, для американцев и японцев (40 и т. д.).

РАЗГАДКА РЕБУСА, ПОМЕЩЕННОГО В № 20: «Хулиган—пра... революции».

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, угол Черкасского переулка, д. № 6/8 Тел. 1-89-13

Рукописи принимаются, написанные на машинке или четко от руки на одной стороне листа.

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
ИЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ ИЗ-ВО МОЛОДОГА ГВАРДИЯ"

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1926 ГОД.

На 1 год — 24 ном.	5 руб. 10 коп.
• 6 — 1 — 6 —	• 1 — 1 — 1 —
• 3 — 6 —	• 1 — 1 — 1 —
• 1 — 2 —	• 40 —
Отдельный №	25

Подпись принимает Отдел периодических изданий Из-ва "Молодая Гвардия".

Москва, Новая площадь, д. № 6/8.

№ 21

НОЯБРЬ

1926 г.

ЛАВРОВЫ

МИХ. СЛОНИМСКИЙ отрывки из романа иллюстрации БРИН

Старушка в коричневом пальто и соломенной шляпе стояла на платформе Николаевского вокзала веци. Веци было: корзина, громадный узел, несколько маленьких ящиков, никуды неувязанный поднос и еще кой-какие мелочи. Старушка гляделася в конец платформы, туда, где здание вокзала. Иногда она шум пугалася и начинала пересчитывать веци. В один из таких моментов, когда она переборала ветровые заслонки, к ней подошел высокий молодой человек в драпой, с облезлым воротником, шубе и коричневой, как у демobilизованного, фуражке.

— Я нанял тележку, — сказал он, — сейчас привезут за вещами.

Старушка засуетилась, хотела заплакать (против ее воли), но раздумала. Она была вся растревожена и все в ней дрожало, как у ключи, которых вдруг пришлось тащить тяжелый воз.

Крупный мужчина барашковой шапке и овчинной полушубке, сожженный румянцем лица, увлекся, подождав час, пакетом корзин, посыпал за спиной, а узел затянул на груди. Старушка обесцветоно взглянула на сына, покачнула глазами на мужчину в полушубке. Сын, ухмыльнувшись, на-

гузил себя руками и мечтально. Для погоды не хватило руки.

— Я тебе говорил, что эти дрэны надо просить! — раздраженно воскликнул он, — Ты, Юрочка, на волнисту, —

— Это я сама по себе!

— Я возьму, — виновато заговорил сын. Юрочка, на волнисту, это я сама по себе!

Она взяла поднос и еще раз прибавила:

— Сама по себе.

Они пошли к выходу. Старушка не спускала глаз с мужчиной в овчинной полушубке: ведь были мешки с мукою, а в корзине спрятан хлеб, сахар и прочее, вывезенное с юга.

Вещи уложены в тележку. Мужчина спустился по лестнице, поднял тележку за весяльные ворота, на Лиговскую улицу.

Старушка и молодой человек

пошли за ним. Старушка в правой руке держала за ручку поднос. Поднос, качаясь, теряя ёю коричневое пальто. Старушка забыла о том, что и эту штуку можно положить на тележку.

Тележка свирепела направо, к Знаменской площасти, а оттуда, по Невскому проспекту, к Садовой улице.

Невский проспект был необыкновенно пуст и тих. Каменная громада домов казалася лишенной жизни. Старушка шла за тележкой испуганно и виновато. Она шла несколько склону, чтобы широкая спина возникала не мешала взгляду, чтобы на поклажу. Сын, подивив воротник и сунув руки в карманы, сутулился: ему было холодно.

Тележка свирепела на Садовую улицу. В конце ее, невдалеке от мостика к Лебяжьему аллею, возник остановленный тележку.

— Отдохнуть надо, — сказал он, разминаясь и стираясь руками.

Старушка с сыном тоже остановились.

— Отдохнуть надо, — повторил возчик и хлопнул по корзине рукой. — Хлеба дайте, с утра не ел.

Старушка вся, с ног до головы, задрогнула.

— Товарищ, заговорила она взволнованно, — мы вам все дадим — только довезите. Я даже дам кусок сахара. Я сама большевица и у меня знакомые в Кремле. Это мой сын — он работал в Народном Комиссариате Просвещения в Харькове, а я — в чрезвычайной комиссии.

Она выслушала и сказала, что работала одно время в чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности. Она продолжала:

— Вы спешите, пожалуйста, довезите нас. Нам очень спешно, по государственной необходимости. Вы, наверное, пролетарий? Я очень люблю пролетариат, и сын мой любит, и еще мой покойный муж страдал за вас в институте. Мы совсем бедные, мы сами пролетариат, но мы, дадим вам из последнего.

Она выплыла еще много совершенно лишних слов. Старушка, ссыпав кудахты, и склонив ногой по морозу, в ухах мостовой. Даже со сгибе его видно было, до чего он взбесился. Мать успокаивающе и убеждающе мигнула сыну, словно глядела не в лопатки ему, а в глаза.

Возчик слушал ее с некоторым удивлением. Он мало что понял, но убедительные интонации подействовали на него. Он начал рукавицами и двинул тележку дальше.

За мертвым

«Аквамарином»

сын загорел:

— Безумная идея. Прямо с вокзала ехать к мало знакомым людям. Да может быть их теперь и нет тут совсем!

— Не волнуйся, — возразил сын.

Ведь мы спасли,

ты сам это

признаешь.

— Не беспокойся. Жилья

не пропадут, они пр

всикон режиме устроится. Не такие люди.

Сын поклонился плечами.

Ты не должен спорить с матерью, —

продолжала старушка и за

волновалась

вздохнув.

— Неужели же, легистин-

тельно, их уже

нет? — Это было бы на них

позором.

Она готова

была обвинить

сына в том, что

они вернулись

в голодный умирающий

Петербург, когда воз-

чик, остановив

тележку, осве-

домился:

Мужчина... двинул тележку... Старушка и молодой человек пошли за ним

— Вам к кому дому?

— Вот к тому, к серому,—заторопилась старушка.—Подъезжай туда.

Она произнесла последние слова, слегка выпрыгнувши, так, словно подъезжала в экипаже. Но тут же опустилась.

— Вот этот дом, товарищ. Пожалуйста.

У подъезда мать и сын поскорились. Сын сел на корзину и отказался ити наверх—стучал в квартиру Жилкина. Он посыпал наверх матом.

— Я не могу влязываться ни с тобою, ни с его к чужим людям. Зачем я буду это делать? Ступай сама. Ты это затянула ты и расхлебывай.

— Юрочка!—говорила мать, указывая глазами на возчика,—ты не должен так разговаривать с матерью.

Они спорили бы долго еще, если бы Клара Андреевна вдруг не испугалась, что пропадут вещи. Пока она пересчитывала узелки, Юрий вошел в подъезд, поднялся по лестнице в третий этаж. Он стучал в дверь, оббитую драной кленкой, до тех пор, пока, наконец, не услышал голос:

— Кто стучит?

Через десять минут возчик уже втаскивал вещь за вещью в квартиру Жилкина. Клара Андреевна суетилась, стараясь одновременно и поздороваться с Жилкиным, и уседлить за возчиком, и собрать, сколько хлеба надо отрезать за доставку вещей в показала. Жилкин неподвижно стоял в прихожей. Ни нем был пиджак, надетый прямо на рубашку. Штаны висели на тазах, как прапоры. Рубашка была черна от грязи. Воротничок не было. Волосы на голове и на лице совсем посыпались.

Клара Андреевна пружинялась разыгрывать один из узелков, заслоняя его всем своим склонившимся телом, потерявши половину своей прежней тучности. Она не хотела, чтобы возчик и Жилкин видели содержимое узелка. Она отломила с четверти фунта хлеба и, придавая лицу самое невинное выражение, приступила к возчику. В руке все изменилось сразу. Он за говорил спокойно:

— Это за такой конек!..

Юрий поклонился узелку буханку фуа-де-трюфэ, сунул ее возчику, а прежде чем мать успела ахнуть, сунул ее возчику. Тот поблагодарил и ушел. Клара Андреевна хотела закричать на сына, но сдержалась. Она научилась сдерживаться.

— Где поднон?—забеспокоилась она.—Юрий!..

Поднос лежал на корзине: она сама положила его туда.

Клара Андреевна сообщила, что пришло время вступить в какие-нибудь отношения с хозяином квартиры.

Старик Жилкин, растрепленно мигая глазами, говорил:

— Ну, вот, вы тут уж сами распоряжайтесь. Наташа нету.

— Мы так благодарны вам за прият!—отвечала Клара Андреевна.—Я буду помогать Наташе по хозяйству. Наташа скоро вернется?

— Нет, она не вернется,—перебил Жилкин.

Он в письме не сообщила и теперь не скажет, что Наталия Александровна его жена, умерла уже больше года тому назад, от истощения. Он знал, что если заговорит об этом, то заплачет,—плакать он не хотел.

— А Григорий тут?—спросил Юрий.

Жилкин в ответ только махнул рукой.

— А Надя?

Жилкин молча отмахнулся и от этого вопроса.

— Вы тут один?—воскликнула Клара Андреевна.—Как же вы управляетесь? Бедный!

В квартире явно было неблагодуше, и это успокоило Клару Андреевну. Она привыкла

считать Жилкиных людьми преусевающими и за это ненавидела их и винила во всех несчастиях. Она считала всегда, что Жилкин и на несчастях умеет жиреть и приобретать громкую известность. А тут, оказывается, и Жилкина подшибло. Впрочем, Клара Андреевна, не задумалась над тем, почему ненависть мгновенно заменилась в ней любовью.

— Я сейчас вас назову!—заявила она. Погляди, Юрий,—ведь я же с ног валится!

Она начала развязывать и распаковывать вещи, чтобы наскоро приготовить еду.

Жилкин ел много и жадно. С особенной энергией он пожирал белый хлеб. Когда он, насытившись, отвалился, Клара Андреевна осторожно задала давно заготовленный вопрос:

— Вы не знаете, где теперь Борис? Я от него самого оттуда не извести.

Наташа умерла,—отвечал этиграф и залакал.

Клара Андреевна тоже заплакала, вспомнив о мусе. Минуты три они плакали так-такий вопрос.

— А Борис где?

В дверь с черного хода застучал кто-то.

— Он—убежденный человек. Трудно сказать, он—хороший или плохой... Теперь же, — нормальные утерян.

— Господи!—воскликнула Клара Андреевна.—Я понимаю—Борис. Он давно насиловал такие взгляды, он давно большевизм и даже пошел добровольцем на войну и был ранен. Он давно ненавидел немцев. Но Клещин? В чем Борис секретарь этого мэрзака? Причем талантлив! Это ужасно. Действительно, страшно хама.

Жилкин не уловил путаницы в ее словах, ему было не до того. Он хотел рассказать про сыне и дочери, но не смог: снова заплакал. Потом он поднялся, вынул из кармана свернувшись грязный воротничок и стал привешивать руばшку.

— Мне надо в Балтфлот,—объяснил он.—Лекцию... Оттуда — милицию... тоже читаю... Это... а...

Он направился в прихожую.

Когда он ушел, оказалось, что Клара Андреевна странно усталая. Вся энергия оставила ее, она вновь превратилась в маленький шар, сплюшую старушку. Она с места не могла сдвинуться. Все болело: руки, ноги, живот, грудь... Юрочка!—заявила она сначала тихо, потом громче.—Юрочка! Юрик!

Но Юрик не откликался.

Клара Андреевна, сбрасывая остаток сил, поднялась со стула, доплелась до воротника Жилкина и свалилась на него.

Борис встал в воде часов утра и к девяти прыгаясь на службу. Возвращалась домой он не раньше шести часов. С двенадцати до четырех ежедневно он, в качестве секретаря Феликса Клещина, привозил Соловьеву. Соловьеву было нечего делать, и она встремилась в астрономию, учредив на хлеб, Явилась к нему часто и садами, которые совершили и касались его, и не верил ему, когда он говорил:

— Это от меня не винят.

Каждый человек, попавшийся до первого попавшегося и начальства, стремился рассказать всю свою жизнь, чтобы обеспечить себе место в учреждении. Часто женщины, рассказывая ему свое дело, потягивали на него, как Терапевт в цукерне и дамочки в французской санатории. Борис старался б в теплых выражениях: внимательно выслушивал каждого и обстоятельно отвечал. Тогда прошел слух, что этот мессэр — хороший, и очередь на Бориса с каждым днем вырастала. К неизвестному а, так просто—посоветовалися. Некоторые из просителей разогревались с ним совсем уж по-своему.

Чепуха перла на Борису. Вот сегодня, например,

Тайный советник явился с просьбой о восстановлении в чине; так и попросил: «Вам это ничего не значит сделать, а мне это очень важно».

Старушка в черном капоре плакала, уловив возможность смыть, арестованного по обвинению в шпионаже. Он ведь только из-за денег работал, сплюшной задалась.

Некий бургомистр, который требовал, чтобы имущество всех находившихся в районе музея было раздано рабочим: «Там картины были без дела, и мебели много, и государству лучше затраты. А рабочие—хозяева жизни».

Балетная актриса принесла билет в театр и просила вернуть, ей реквизированенный сейф. Она сидела долго и глаза ее открылись, соглашались на все, чего только пожелает Борис.

Рабочий жаловался, что инженер, к которому его велили, заставляет его рубить дрова и топить времянки.

Она отломила с четверти фунта хлеба и протянула возчику

Клара Андреевна, вскочив, сама бросилась отворять. Она дрогнула так энергично, словно ей было двадцать лет и она не совершила только что утомительнейший переезд. А Юрий уже спал в кабинете на кожаном диване.

С черного хода стучалась женщина, которая вела хозяйство Жилкина. Она явилась готовить обед. Клара Андреевна прогнала ее и вернулась к этиграфу. Она видела, что в этой квартире ничто не помешает ей взять власть в свои руки.

— Где же Борис?—спросила она.

Жилкин отвечал:

— Борис—большевик. Он—секретарь Клещина, Я случайно узнал.

Клара Андреевна затихла, не зная еще, как отнестися к этому сообщению.

Этот Клещин!—воскликнула она, нахмурившись.

Клещин, о котором она только что впервые узнала, мгновенно стал для нее таким же ненавистным во всех несчастиях злодеем, каким был до того Жилкин.

Жилкин—совсем как прежде—развел руками.

И еще много всяких дел и случалось. Все это в большей части (о особенности дела об арестах) направлялось совсем не по адресу; Борис, если бы захотел, не смог бы помочь.

Фон Клешнев являлся обычно гораздо позже Бориса. Он прошел к себе через приемную раз тогда, когда Борис говорил с агентом. Когда приемная язвилась, выговорившись, опустела записка, он позвал к себе секретаря и съездил:

— Ты что мне тут устрашаешь?

Борис усмехнулся в ответ.

— Не беспокойся. Нельзя же в шею гнать.

Я в технических людях не пускаю.

— Признаю.

На них ведь все новое. То, что для нас все, для них совсем уже неясно.

По дороге домой Борис встретил приятеля, следователя премзычайной комиссии. Тот хотел проводить его. Борис знал, что следователь недавно женится и спросил его:

— Как жениш?

Сентиментальная улыбка появилась на лице следователя. Он заговорил о жене:

— Это такая жена, такая же женщина!

Она все понимает. Я прошу отпуск — не дали.

Давно много работал...

Следователь взглянул на Бориса — и улыбка уже не была на его лице. Отвел глаза и проговорил:

— Истрияется. На-днях приятель, понимши, попался. И как попался в бандиты. Все верны можно испортить. Жена и то угощает уйти на другую работу.

Серьезное дело? — спросил Борис.

— Приятель, понимаешь ли, попался!

Следователь остановился.

— Всего лучшего! Заходи.

Борис поклонился ему руку.

Продолжая путь, думал еще некоторое время о следователе, о его жене. Задал себе каверзный вопрос: а че если... а че если... пропадет и умрет? А че если следователь расстрелят кому-нибудь из его близких — например, брата? Все это возможно. Что тогда? Этот вопрос никогда не находил угла. Там видно было.

А где брат? Где мать? Борис казалось, что он никогда больше не встретится ни с ними, ни с Жиликиным. И это может быть к лучшему.

Оншел по Конюшенной улице, той улице, где он некогда жил с матерью, отцом и братом.

Остановился у подъезда дома, где раньше был ресторатор «Медведь», один из лучших ресторанов Петербурга. Теперь тут находилась пекарня. Лебано на Клешнева, видя Бориса со своим обличием, прикрепленным к этой столовой. Борис таким образом имел два обеда и день: на работе служба, другая — «Медведь».

Он вошел в подъезд. В огромных залах-тавнах, хотя людей много. В молчании люди занимались самым важным делом в жизни: они... они...

Стояли в очереди за посудой. Потом в очередь за супом. И поровнять с'ест по две, а то и три тарелки горючего супа. Кrome супа, из обеда не получалось ничего.

Борис, получив суп, вел за один из столиков, боясь, что пинези и панахи. Светлый подсуп висел по его щекам и подбородку.

Он сидел на панаху на темя, он, склонившись над тарелкой, ед медленно, то и дело оглядываясь вокруг и остановливая взгляд то на одном, то на другом.

Вот он положил ложку на стол. К нему осторожно приподнялся мужчина в меховой шапке и без пальто, с деревянной ложкой в руке. Лицо у мужчины беспорядочно заросло жестким густым волосом. И казалось: все тело его, скрюченное в кучу, было покрыто и широченными штанами, должно быть — волосятые и грязные.

Разрешите докушать, —очень вежливо попросил он Борис.

Тот не понял.

Болотистый мужчина произнес отчевливое:

— Разрешите докушать. У вас есть осталось...

— А! — отвечал Борис. — Пожалуйста, пожалуйста!

В тарелку, его, действительно, оставалось еще немногого супа.

Мужчину торопливо схватил тарелку и стал облизывать языком и промокавшую.

Потом он вздохнул удовлетворенно, поставил тарелку обратно на стол и промолвил:

— Большое вам спасибо.

Прибавил неожиданно:

— Молодцы большевики. Святочни, конечно, но молодцы! Как люди держат — и ничего! Терпят люди.

Это было не ясно, но Борис усмехнулся, словно понял что-то. Он поднялся, взял тарелку и ложку и пошел в чреду: сдавать посуду.

Клара Андреевна каждое утро просила Юрия узнать, где Борис и что с ним. Но Юрию было не до братов.

Юрий поступил на службу в архив. Он работал в здании на Чернышевской площади до позднего вечера: нумеровал дела, заварив их, а отработав то, что полагалось по службе, оставалась еще для того, чтобы писать порученные ему примечания к сборникам архивных материалов.

Юрий делал все это с удовольствием: ему это гораздо приятнее было, чем шатанье по России. Обедал он на службе в столовке.

Служба, забота о хлебе — все это исчеридало Юрия. У него ни на что больше не оставалось сил. И он со дня на день откладывал поиски брата. Он знал, что найти брата в общем легко, но для этого надо было затратить все-таки три четверти часа.

Разрешите докушать, —очень вежливо попросил он Борис.

— Скажите, где Борис? Я его мать. Вы работаете с Борисом? Вы его знаете?

— Как же, знаю.

Клара Андреевна, вытигивая пенсю из-за спины, чтобы хорошенько разглядеть Клешнева, спрашивала:

— Он жив? Он здоров? Рада быва, где он?

— Он тут, в Петербурге, —отвечал Клешnev.

Клара Андреевна всплеснула руками и заплакала.

Борис! Он тут, и не знает, что мать почти не спит —думает о нем!

Лицо Жиликина принял такое неприятно-мучительное выражение, что Клешнев уже не смотрел в его сторону. Он разговаривал с Кларой Андреевне, где она может заслати сына. Дал свой адрес: Борис временно жил у него.

— Сегодня уже поздно, —говорил он.—Лучше завтра. Или он к вам зайдет. Я ему скажу.

— Господи! Борис жив? —вспыхнула Клара Андреевна и покашала с радостью по имени Юрия. — Бориска тут! Он вернулся из провинции. Я тебе говорила, что надо еще разуметь.

Клешнев снова остался один-на-один с Жиликиным. Он поднялся со стула.

— Итак, Дмитрий Федорович...

Жиликин перебил, отчаявшись на собственные мысли:

— Может быть, вы и правы... со своей точки зрения... только нет, нет! Не может это быть. Но я, то есть, совсем не то...

Всегда лучший вам, —сказал Клешнев и прогнал Жиликина руку.

Этот раз покал руку и взглянул в лицо Клешневу так, как будто в первый раз видел его сейчас.

— Да! —заговорил он,— вы ничего не можете сделать для Гриши? Он соглан. Он ведь меньшевик...

Но тут же сам себя обозвал:

— Нет, — это нельзя, конечно, конечно, я понимаю, нельзя, —ухансю.

Он крепко пальцами единственную пуговицу на пиджаке сжал.

Все равно, да, конечно, нельзя, я понимаю, я, человек старый, мне умирать надо, —вортолечко.

Клешнев пожал руку Жиликину и пошел в прихожую. В дверях он столкнулся с Кларой Андреевне, которая несла на подище два стакана чаю и чайник с кипятком. Два куска сахара и два ломтика черного хлеба лежали на тарелочке.

— Этого! —К чему-то воскликнула Клара Андреевна, чуть не выронившая поднос из рук.

Клара Андреевна схватила поднос на письменный стол и закричала:

— Куда вы? а чай? Я сейчас синый принесу.

Но Клешнев уже ушел.

— Что это он? —не понимала Клара Андреевна. —Этот Клешнев?

Жиликин заплакал. До приезда Клары Андреевне это случалось с ним очень часто. Клара Андреевна, опустившись в кресло, тоже запла-

кала. Потом она приединила этнографу стакан, другой стакан себе, и они стали пить чай.

На утро Клешнев говорил Борису:

— Слушай, это тебе касается: твоя мать и брат живут у Жилкина. Сегодня они, должно быть, приедут к тебе.

И помолчал, взглянувши на Бориса.

— Твоя мать очень изменилась на Бориса. Я ее видел дважды, и дважды я сказал тебе, что ее больше нет. Мне было шестнадцать лет, когда меня прогнали с завода. Один студент ввел меня в революционный кружок — там я и познакомился с твоим отцом. Потом арест, ссылка. Когда я вернулся, пошел к своему отцу. Всех арестовали — твой отец — ничего, остался.

Клешнев все глядел на Бориса. Он не мог не причинить ему сейчас хоть какой-нибудь неприятности. Клара Андреевна разбудила в нем старые воспоминания.

— Тогда-то я имел краткий разговор с твоей матерью...

— Я очень рад, что мама приехала, — перебил Борис. — Очень рад.

Клара Андреевна сказала Борису: если бы не революция, то этот мальчишка так же ушел бы в тихую жизнь, как и его отец. Он — случайный человек. Но тут же по честности должен был быть признан, что вряд ли случилось бы так: в Борисе было нечто, что не поддавалось бы успокоению.

— Я приеду сегодня к двум, — сказал он. Борис кивнул головой.

Намеки Клешнева не здели его. Не все ли ему равно, какие были отношения у Клешнева с его отцом? Он из отца не отвечает.

Возвращаясь с работы и поднявшись по лестнице, Борис увидел перед краиной, на площадке, мать. Он не сразу узнал эту маленькую старушку.

Клара Андреевна жалко улыбнулась, открывши редкие зубы.

— Боренька, я уже три часа тебя жду.

— Я был на службе.

Борис открыл дверь.

— Ты не совсем не рад, — говорила мать. — Как ты можешь так не любить родных? Юрочка отказалась идти к тебе. Он осиротлен твои отношениям и совершил проправ.

— Я очень рад тебе, — отвечал Борис, и, нагнувшись, поцеловал мать (он был теперь на голову выше ее).

Клара Андреевна сняла пальто, кинула его из спинки стула и вошла в комнаты. Борис прошел к себе. Клара Андреевна опустилась на кровать.

— Как мы живем, — говорила она. — Мы ужасно живем! Голодаем, а Юрий — тот прямо со всем истощен. Он кончает университет — он уже был и его зачисляют. Профессора в восторге, но если бы больше ему здоровье! И как я уговариваю его и возвращаюсь, оставаться в Харькове — нет, поехал, и я, старуха, за них потягивалась.

Она то обыкновенно путала все причины и факты.

Ты должен любить своих родных, — проповедовала она. — Мне Клешнев все о тебе рассказал: как ты хорошо устроился и сид. Ты теперь удачная персона.

Она удачнулась, порылась в карманах кофты и вынула смятую бумажку. Борис молчал.

— Я записала все, что ты должен сделать: — и как можно скорей, — продолжала Клара Андреевна. — Может моя сейчас с тобой отправимся. Где же?.. Господи, я забыла дома пенсии!

— Я сам прочту, — сказал Борис и взял бумагу.

Записка была такая:

«Устройте что-нибудь Юрочке, а то он с ног валится».

вернуть с Конюшенней наши вещи (сделавший и подробный список всех вещей).

Грине разрешил вернуться к отцу — он достаточно поработал на пролетарнат и имеет право,

устроить мне службу, специальность — педиатрия или медицина...»

Знаки препинания были расставлены кавычками. Записка оканчивалась запятой. Очевидно Клара Андреевна предполагала еще о чем-то просить, но забыла прописать. Все это очень похоже было на ту чепуху, которую так часто приходилось выслушивать Борису на приеме.

Клара Андреевна, выпрямившись, готовясь к немедленным возражениям, глядела на сына. Борис заговорил возможно ласковее:

— О вещах. Вещи были проданы...

— И это говоришь ты! — возмутился, перевязавшись, Юрий. Клара Андреевна. — И после этого ты болтливость! Мы с тобой — сплошной зубом в брусе! Я там был и ух зажило. Сможешь говорить про прадеда, когда революция? Всё эти сделки отменены, а вещи принадлежат нам. Ты просто не хочешь — так и скажи. Ты всегда не любил свою мать. Ничего. Родной сын не поможет — чужие помогут.

Борис стал подробно и внимательно обяснять дело. Клара Андреевна слушала с нарочитым спокойствием, кивая изредка головой. Когда Борис кончил, она повторила:

— Ты просто не хочешь. Теперь я взяла это ты любишь свою мать. Хорошо, — произнесла она. — мне ничего от тебя не нужно. Небольшим ты уж достаточно обязан. Для них ты все должен сделать. Грине сдал, потому что меня не было. Но ведь он революционер.

— Это не в моей власти, — угрюмо ответил Борис.

Клара Андреевна пригласила искать пенсии. Но, вспомнив, что Грине денег, прекратила поиски. Она не находила слов, чтобы поблагодарить жестокосердия сына Бореньки, — заговорила она, напомнив Грине, во что ты без меня превратился!

Она заплакала.

— Но это не в моей власти, — повторил Борис. — Пойми же...

Но было ясно, что Клара Андреевна никак не могла согласиться на мотивы, которые прощала выставить Борис, и он замолчал.

— Брат я брат! — воскликнула трагичная Клара Андреевна. — Господи, когда бы умер Веда — это Грине, твой близкий друг!

Борис, чтобы прекратить разговор об этом, сказал:

— Оставь мне записки, я сделала, что могу.

— Нет. Родной сын не может — чужие помогут. Я сама поговорю с Клешневыми.

Мать дышала, устраивая удобнее и глубже на краюте. Наконец, успокоилась, прислонившись к стене. Предстоящая сцена с Клешневыми после утренних намеков его была для нее нельзя более некстати. Но предотвратить ее было невозможно.

Позже Клара Андреевна, засыпавшая в кровати, засуетилась, поднялась с кровати, одеваясь, вспомнила, что забыла кипу и кофту, и пошла из комнаты. Борис дунул в след за ней.

— Прздравьте, — сказала Клара Андреевна Клешневу, вскользь взглянув на нее и мечтая поклониться.

Мне Боренька посоветовал обратиться к вам, — начала она.

Этого Борис никак не ожидал. Он зеркал удивлен головой, но Клара Андреевна, заглянувши взглянула на него и продолжала:

— Я хочу вас поблагодарить за Боря, в все, что вы для него сделали. Я думал, что вм-то, по крайней мере, он отплачил любовью за вашу доброту и заботы.

Борис отвернулся и глядел в окно, теряясь подождая неизбежный конец всей этой сцены.

А вот для родных он палец не ударил, продолжала Клара Андреевна. — Он отказался помочь и сама к вам обращалась.

— Всё, что я могу, — скромно, но искренне спросил Клешнев.

У меня все записано на бумажке.

Клара Андреевна снова стала искать записку.

— Дайте — я прочту.

Клешнев улыбался, читая бумажку.

Прочел и вернул записку Клара Андреевна.

— Вы хотите на службу? Зайдите в Наркомпрос — там, думаю, требуются работники. Я могу вас направить к гвардию (он назвал фамилии). Поехать на один из дальних пунктов ничего сделать не могу.

— Но ведь вы были у Жилкина секретарем, — напомнила тихо Клара Андреевна.

Да, да, как же я могу забыть Клешнева. — Чему месяца до самой революции? Я очень любил и ценю Дмитрия Федоровича.

Вы были Грининым другом.

Клешнев улыбался.

— Не стоит нам говорить об этом.

Клара Андреевна растерянно комкала свою записку. Потом снова стала расправлять ее. Борис подошел к ней, взял ее под руку и повел к себе.

Клара Андреевна села на кровать и заснула.

— Мама, не надо, — строго сказал Борис, прошел в прихожую, принес пальто и подошел к кровати. — Ты другой раз мне должна верить.

Он действовал так решительно, что Клара Андреевна затихла испуганно. Борис вытащил из квартиры и повел ее домой.

Это было длинное и трудное путешествие. Клара Андреевна оставалась на каждом шагу и доводила Бориса, у说服ая его, что Борис довел в конец измученную мать до смерти. Он сдал ее на руки Юрию, который подогревался с Борисом за руку, как чужой и потенциальный в комьята, утешая ее. Жилкин уже спал.

Борис поставил в темной прихожей. Стол Клары Андреевны удалился.

Квартира Жилкиных напомнила Борису многому. Он повернулся и пошел прочь из квартиры. Громко хлопнув дверью, чтобы услышали и заперли на крюк.

— У меня все записано на бумажке

В ПАСТИ СЕРОГО ВОЛКА

Ангорская повесть—Н. ОГНЕВ. Рисунки П. СТАРОНОСОЗА

(Продолжение) 1

В С ВОЛКАМИ ЖИТЬ—ПО ВОЛЧЬИ БЫТЬ

К рассвету наurus унес фелюг с беглецами очень далеко от бывшего места заключения. Фелюга шла все время вдоль побережья, поэтому пристать к берегу было легко.

— Ну, товарищи, теперь нужно бежать в разные стороны,—сказал один из грузчиков, выскошив на отлогое побережье.—Бегите, кто куда может, держаться вместе—значит обеспечить себе петлю...

С этими словами он быстро поднялся на волю и исчез из виду; другие двинулись в разные стороны.

— Стойте!—закричал Орхан.—А как же Мурад?

— Мурад, вероятно, погиб,—сказал последний из уходивших.—Совсем тебе бежать, если ни желанье погибнуть и ты.

— Идите со мной выручать его,—в последний отчаянный момент крикнул Орхан.

Если он не погиб, то, конечно, можно его выручить,—в раздумьях ответил грузчик.—Но, во всяком случае, это делается не так. Нужно сообщить организации, подготовить побег или освобождение. Ити же обратно, как предлагаешь ты,—просто неразумно. Прощай и беги.

Грузчик вскарабкался на взгорье и исчез так же, как и остальные. Орхан снова остался один.

— Сообщить организации,—повторил он про себя.—А где я ее найду, эту самую организацию? Так называется, должно быть, коммуна. Но где же мне найти коммуну, если со мной нет Мурада, и если за нее не прячут в яму для прожженных?

Вспомнил Орхан про прохожего, но вспомнил также и то, как опасливо озиралась и как последние с ним расстались этот самый прохожий: было ясно, что помочь от прохожего ждать нечего.

— А султан Вахиддин?—вспомнил внезапно Орхан.—Да, пожалуй, известная машина! С самого начала нужно было искать ее. Сказать, что это именно Мурад выручал его из плена нечестивых неверных,—я сам свидетель и даже ранен... Ах, я деревенщина! Теперь, во всяком случае, война кончилась, и султан может оказывать какие хотят милости. Отправлюсь в Стамбул, паду под ноги перед султаном, расскажу ему, как Мурад выручал его вместе с Кемалем,—и Мурад будет освобожден. Как я сразу не додумалась, еще не ходя к этой проклятой амне!

И, полный решимости, Орхан зашагал по побережью. Он не знал, не чувствовал за собой простого недородуменства; потому отправился прямо в тот же портной городок, где работал грузчиком, понялся в ту дверь, которую читал домом, не отчаявшись на расспросы ставленников, достал носковую припрятанную на черный день лир,—и отправился на пристань.

Его крестьянский мозг, тяжело ворочался, не желал мириться с той, в его глазах, несправедливостью, которой подвергся еще друг. Но где-то есть закон—высшая справедливость, носитель которой являлся, в глазах Орхана, султан Вахиддин. Если справедливость нет Кемали, это еще ничего. Кемаль просто военачальник, если же султан призывает Кемала к немедленному покорению. Мурад же... При этом Орхан несколько не сомневался, что Мурад жив, только задержан и отправлен обратно в яму. Смерть Мурада была бы уже несправедливостью Алладжа по отношению к маленькому Орхану. Не станет же Аллах отнимать у Орхана последнее, что осталось у него на земле—друга.

С этими мыслями Орхан сел на пароход, направляющийся в Константинополь. На утре пароход остановился. Орхан проснулся—он спал на скамейке среди громадина и с этой громадиной на пароходе наведены пушки. Вскоре послышалась эта песнь, эта песнь воинских форм, стали проверять пассажиров. У Орхана пушка не было, поэтому он залез в угольную яму и этим избежал ареста. После проверки пароход пошел дальше, но Орхан обрадовал, что, очевидно, война не кончилась, если на море ходят эсминцы и что, следовательно, нужно держать ухо востро. Крейсеры и миноносцы останавливали пароход несколько раз, и каждый раз Орхан залезал в угольную яму; кочегары его пристали и охотно пускали. Но к приезду

в Стамбул Орхан был больше пожар на чарте, чем на человека—так разукрасила его угольная пыль. Орхан и не решался выйти с остальными пассажирами; дождался, когда на берег от-

правились кочегары, примкнул к ним—и хородо сделал.

— Куда?—спросил всю компанию толстый полицейский в феске, верхом на лошади.

— В Стамбул,—ответили кочегары.

— Стамбул и эскимосский..., грязные сволочи,—сказал один из кочегаров, раскачиваясь в седле, словно жаркий паук в патутие,—и больше не попадайтесь мне на дороге.

Кочегары были странный народ и живо образзали, что нужно дать бешкет (изъятку).

— Не ты ли обронил эти монеты, почтенный эфенди?—спросил один из кочегаров, подавая полицейскому деньги.

— Кажется, я,—ответил паук, вглядываясь в поданную сумму.—Нет, впрочем, это не я,—докончил он, пряча деньги в карман. Это кто-то другой. Я уронил больше. А вы, угонные крысы, двигайтесь обратно на вашу парашину пло- склонку, не то...

И полицейский замахнулся нагайкой.

Как же это я не сообразил сразу?—удивился кочегар.—Разве мог уронить такой большой начальник такую маленькую сумму? Несомненно, вы уронили и ее, и вот это...

— Я уронил еще билет в десять английских фунтов,—прорвозворил полицейский,—и советую в следующий раз его непременно ныть. А теперь отправляйтесь и не попадайтесь без этого билета мне в глаза.

— А как мне пройти к его величеству?—спросил Орхан, выступая из-за спин кочегаров.—У меня есть к нему дело.

— Какое же дело у тебя к его величеству?—важно раскачиваясь в седле, спросил полицейский.

— У меня друг в тюрьме, т. е. даже не в тюрьме, а в ямах для прожженных,—смело предложил Орхан свою речь, не обращая внимания на то, что его дергали за полы кочегары.—И вот я хочу просить его величества...

— Хм...—задумчиво сказал полицейский.—А ну-ка повернись, любезный.

Орхан повернулся, увидел, что кочегары отскочили в стороны, и в тот же момент ощутил силуэтную боль в спине, как от охвата.

Идя по этому направлению,—крикнул полицейский, снова вытигавшая нагайкой Орхана,—и если потерпешь его, приходи ко мне опять.

Но Орхан уже понял, в чем дело, и бежал вместе с кочегарами по узенькой уличке, шедшей в гору.

— Ты, должно быть, безумный, приятель, если вздумал спрашивать у стамбульского полицейского дорогу к султану,—сказали кочегары.—Да и зачем тебе султан? Неужели ты думаешь, что он станет выслушивать твои жалобы?

— Он должен выслушать,—с крестьянским упрямством ответил Орхан,—иначе он не сущ.

Так и все прямо, к тем высоким шпилям,—сказали кочегары. Эти шпиля и есть царский дворец Ильда-кюоск.

И Орхан направился к шпилям. В городе творилось что-то не совсем обычное. То и дело проезжали военные патрули, при чем Орхан заметил, что патрули были и английские, и турецкие. Иногда с шумом пронесались автомобили; сновали пешеходы, но при этом с опаской озирались кругом. Ради же добра Орхан почудился стрельбой.

Неужели война дошла до Стамбула?—со страхом думал Орхан. За себя он не беспокоился: ему было все равно, останется он в живых, или будет убит. Но Мурада выручить из ямы для прожженных было необходимо во что бы то ни стало.

По дороге в Ильда-кюоск патруль в папахах.

— Куда?—спросили папахи.

— К султану,—ответил Орхан.

— Ну, а ступай к этой паршивой собаке,—сказали папахи, и нападали Орхана пристальными в спины.

У ворот Ильда-кюоска стоял другой патруль в фесках.

— Куда?—спросили фески.

— К султану,—ответил Орхан.

— Кто ты такой?—спросили фески.

— Я солдат кемалистской армии,—город отвил Орхан,—и вместе с Кемалем выручал султана от неверных,

См. «Смена» №№ 18, 19

— Ах, так ты от Кемаля, сын дохлой курицы, — сказали фески, — так и ступай к этой паршивой собаке!

С этими словами они нападали Орхана приказавши понизить спины. Орхан вернулся к папашам.

— Объясните же мне, в чем дело, правоверные? — завопил он. — Я говорю, что иду к сultanу — и вы награждаете меня ударами, хотя, мне кажется, что вы кемалисты. А аскеры в фесках, стоящие у ворот двора, дерутся за то, что я солдат кемалистской армии.

— Ах, так ты солдат нашей армии, — сказал начальник патруля. — Так бы и говорил с самого начала. Зачем тебе несет эблис к сultanу?

— Я — я — я — привнес ему жалобу и просить об освобождении друга.

Ты опоздал, товарищ! — сочувственно сказал начальник. — Адресс сultана таков: Италия — это страна глупов — город Сан-Рено. Поехай туда.

— Но зачем же я поеду к глупам? — горестно проговорил Орхан. — Неужели нет сultана в нашей стране?

— Говорите тебе, что его вчера вместе со всеми почитками и женами унесли энглизы на своих штыках. Если бы не энглизы, — приспособил ему держать ответ в Истикляль-Мехметеси за все его безобразные и преступные дела.

— Ты смеешься надо Истиклялем, если я хочу принести жалобу как раз на Истикляль, — чуть не заплакал Орхан. — Это именно Истикляль, насколько я понимаю, держит моего друга в яме для прокаженных.

— Ах, так ты смешно понимаешь Истикляль — верхний трибунал революционного правосудия, — грохнуло вскинутое начальником. — Уноси-ка отсюда ноги, иначе тебе плохо придется!

Орхан, по опыту знала, что медлить нечего, — бросился бежать. Да вечеря бродил он по городу, не зная, куда приткнуться. С набережной наблюдая за тем, как отходила грозная английская эскадра, он увидел узников имущество сultана. Вместе со спрятанными в мешках и толстой набабкой Орхан, как уходили последние отряды сultантских аскеров и с другой стороны входили в город войска Кемаля. Но взор Орхана скользил по всему безумству; Орхан потерял лицо, по которой следил, потеряв свою логору, и никто не мог и не хотел ему указать другой.

— Так всегда бывает с бедным человеком, — размыслил Орхан. — Будь я богат, — другое дело. Прав был Мурад, когда говорил, что все бедняки должны соединиться, чтобы сбросить власть богатых. Я, я, я... не слушал его умных и дальних слов. Теперь я — беспомощен. А почему? Потому что во-время не слушал. Мурад, если тебе не могут найти его коммуна, — Ух, коммуна! — помогла бы мне освободить Мурада. Но спрашивать, где здесь находится коммуна, — и думать нечего... Как раз угодишь куда-нибудь еще похоже ямы для прокаженных.

Размышая таким образом, Орхан наткнулся на давшегося толстого, похожего на паука, по-лидийского.

— Что ты бродишь по хорошим улицам, обиравец! — закричал полицейский, наезжая лошадью на Орхана. — Ступай к себе в сабачий, квартал! Иначе я забьду тебя в тюрьму.

— Громко-то нефара!, — всхлипывая приложил руку ко лбу, ответил Орхан. — Я чужой в этом городе и ищу ночлега.

— Так я тебе покажу ночлег, грязный обиравец! — крикнул полицейский, и его нога свистнула в воздухе. — Вот тебе один ночлег, вот тебе другой, а вот третий!!!

— Дохлая свинья! — кричал Орхан, вывертываясь из-под ударов. — Сын эблиса! Пусть заберут тебя джинны в преисподнюю!

— Ах, так ты так! — рассыпался в полицейской и попыталась поймать Орхана за ширворот. Но не так-то легко поймать за ширворот сына гор, который чуть не всю жизнь провел, гоняя горизонтов англичан и близнеццев. Над Босфором плыла прекрасная южная ночь.

Но Орхану было не по красот природы. Он остановился на набережной и яростно плюнул по направлению к городу.

— Будьте вы все прокляты аллахом. Все, все — кемалисты, и сultантские аскеры, и сам Кемаль, и сам султан Вахиддин, и толстый полицейский, и все остальные полицейские, и все, сколько там есть! И что же? Вы — бедный Орхан, которого лишили друзей? Вы бы могли на вас подать волостные вопросы? Вы бьете меня в спину и в зад, и по шее, и по всем частям тела. Ну, хорошо же! Тенер один у меня сultan — Мурад, которого вы загнали в яму, и один Кемаль — это коммуна! Пусть я живу не останусь, если я не разыщу коммуну. И тогда берегитесь, если дэл эблис! Если вы волки, то и я буду волком, — и тогда вы узнаете, как я умею кусать!

И Орхан послал еще один остремленный плевок в город.

9. В е р х о м на в о л ч е м х в о с т е .

Бывший мулла Раихид чувствовал себя прекрасно. Он развалился на диване и потягивался, умываясь чистотой общества и устроившись.

Весьма удовлетворенный. Всего-то и нужно, если умеешь чистоту общества и устроившись. В небольшой горной деревушке Раихид, правда, был почетным лицом, но, ведь, времена переменились — и кто знает, чем могло кончиться раздольное житье в деревне, если бы беральеры не предупредили события. Правда, тогда Раихид вполуха не успел захватить с собой добрых половины имущества; но, ведь, половина-то была усечена на мухах. Самое же главное, конечно, в перемене профессии. Ведь, сколько людей угодили виновницам приказаний этого зверя в образе человеческого этого Сердца Волка Кемаля и его сподвижников, судов и пинцетов, а не наставляемых ими для того, чтобы быть духовными лица... Рассказывают за дозорную, будто бы во время царя Кемала спорили, что он больше всего хочет. И будто бы между небольшого царства этого зверя отвечали:

Собрать в одном большом доме с'езд всех до одного муфтинов, имамов, улема, шейхов и мулл (духовные лица), крепко-накрепко запереть все выходы, подожечь этот дом со всех четырех концов.

И по действиям Кемали заметно, что он вполне может проделать такой фокус. Нет, лучше подальше от короля и от всего, что с ним связано... Тенер Раихид — на положение императора не обращает внимания, как и все агенты «Зеленого Яблока», и никто Раихида за это не осудит; кемалист понимает, что следует прежде всего спасти собственную шкуру, а потом уже забастыть и об остальном.

Плавая в дыму кальяна и в столь приятных, размышлениях, Раихид и не подозревал какая сцена происходила в домишке джинджика (знатчка) Абдула, всего за два квартала от Раихида. Как в этот час дня Абдулу явился некий обиравец-человек и сказал:

— Седам-алайком, хаджи Абдул!

— Алейхом-сalam, господин мой, — ответил джинджик, хотя наружность обиравца никак не сподобляла к такому приветствию.

Чем может служить тебе бедный джинджик?

— Нет ли у тебя, хаджи Абдул, такого состава... которым можно было бы...убить много-много

— Понимаю, — медлительно ответствовал Абдул. — А есть ли у тебя в кармане такое что-то, на который можно бы было прибрести много-много рису?

Что, же, же, же, — верно, заглядевши в карманы, — спросил джинджик, поднимая с сягребая в кармане пыль. — От этого в доме крик и разился, э?

Ну, да... конечно, жена... —городил этический незнакомец— Будет ли верным твоим средоточием?

— Мое средоточие — жены и крысы боязни как огня, — сказал джинджик, с крахмением взял и направляясь в другую комнату. Он вышел оттуда какие-то порошки в белых облатках и дал незнакомцу. — Вот средство от крыс. Лучшего действует в кофе. Но можно сделать и пирожное яблоко, посыпать порошком и испечь половиной друг от друга. После этого можно ложиться... крысы.

И джинджик зевнувши. Окунувши на умелеца, незнакомец огляделся, замечая в веску парикмахера и направился к ней.

— Затылок? — спросил цирюльник.

— Бороду, — отвял незнакомец.

— Во имя аллаха! — ахнул цирюльник. Всего третий человек в этом городе бреет у меня голову. Я не говорю о презренных глязах глиняных кораблей, — те бреются по два в день. Нет! Речь идет о правоверных! Их лимпийский маршал Кемаль издал фирман об обязательном бритьи бороды?

— Делал свое дело, цирюльник, — отвечал незнакомец.

Когда голова была снята гость молча расплатился и ушел. Цирюльник долго сидел ему вслед.

Незнакомец направился между тем, пропод мавеску «Зеленого Яблока».

(Окончание в следующем №.)

... В этот час дня к Абдулу явился обиравец-человек...

ПОЧЕМУ СВЕН НЕ ЛЮБИТ СЕЛЕДОК

Евг. ЗЮЙД-ВЕСТ. Рисунок НОСОВА

Только на две минуты опоздал на работу Свен Иенсен.

Ворота доков уже закрыты. Свен Иенсен хорошо знает: если у человека в мозгах не совсем темно, и руки приложены как следует, — работу получать в порту всегда можно. Правда, для этого надо здорово побегать. Со злости плюнули:

— О, чорт! Теперь целый день придется болтаться по улицам!..

Медленно пошел по Бруклинскому мосту к Чатам скверу. Устал Свен Иенсен. В сквере присидел до вечера. Сквозь дрему несколько раз возвращаясь к действительности. Желудок давал себя знать. Неудивительно, ничего не ел со вчерашнего дня. Подумал:

— Проклятая штука головы!..

Стал щирить в карманах. На дне карманов табаку и хлеба. Бережно вывернул карманы на ладонь. Собрал щироши и в рот. Медленно поднялся и пошел по направлению к Бэтти. Там выбрал удобную скамью, прилег на минутку. Незаметно вздрогнул. Вдруг... над самым ухом:

— Тут спать не разрешается!..

Трудно соображая в чем дело, по привычке:

— Есть...

Побрел к черной набережной, откуда так хорошо виден сверкающий в ночном тумане фонарь статуи Свободы.

Свен Иенсен — моряк. Норвежец. Белый, как север, ровный, один из тех бродяг, которых так редко встречаются на суще. Свен вырос у моря. Полки экипажей проплавал на американских, английских и немецких судах. Удержаться больше одного рейса не в состоянии.

Более прямого, более вскипающего от всякой несправедливости не видали ни на одном судне большого тоннажа. Сейчас Свен сидит, как говорится, «на якоре».

В кармане ни цента.

Вторую неделю оторвалась от моря, думал, что, имея здоровую широкую спину да пару крепких рук, он не пропадет на берегу. Будь ремесло в руках — другое дело. Но ничего, кроме вантов, сплесней, парусов да рей не знает молодой скандинав.

Ровно в четыре утра стоял Свен у ворот транспортных контор.

Оглянулся назад. Побудил:

— Ого, много народа!.. — Прикинулся на глазах:

— Ни как не меньше тысячи...

В пять, как всегда, открылись массивные ворота.

С шумом прорвалось человек двести.

В это время в Нью-Йорке мутный рассвет, холодный ветер пронизывает насквозь. Тысячами в это время стоят люди у ворот контор, стоят в надежде получить заработка.

Кто-то тронул Свена за плечо. Оглянулся:

Сзади стоит худощавый, загорелый парень, шапка темно-рыжих волос. Белые, ровные, как молодое зерно, зубы. В лице что-то осторожное и дерзкое, а в глазах веселье.

Протянул $\frac{1}{4}$ пачки жевательного табаку:

— Хотите? Настоящий «Адмирал плюг Кут».

— О, да!

С жаждостью отломил кусок. Стал жевать. Желудок кричал о пище. Проглотил горькую сплону. Полубернувшись, спросил:

— Откуда?

— С Запада!.. Оттуда, где старики-солнце работают сверхурочно...

— У нас все время лето. Это не то, что тут. Посмотрите на этот барак, — все виды вентиляции. Крыша, как решето,

— Галлол! Тебе работу?.. О, да...

специально для астрономических наблюдений.

Звякнул телефон. Чей-то голос хрюпло прорыдал заказ. Тот, что у конторки, повторил:

— Двадцать, знающих свое дело, каменщиков в Джерси!

А через минуту:

— Семидесят маляров!

Кто-то сказали:

— В Нью-Йорке работы хватит...

— Безработных тоже не одна тысяча...

Свен терпеливо ждал. Под черепом металась мысль:

Не может быть, чтобы такой здоровенный парень, как я, подох с голода...

А в телефон опять запрос:

— В Калтон четыреста человек...

Можете сорока.

Тот, что с рыжими волосами, язвительно:

— Джентльмены с проседью! Счастливо оставаться!..

Свен вместе с другими метнулся к электрической станции. Клубами дыма загуталось громадное здание. Опять волны. А у ворот сотни голодных глаз.

Крякнул ржавый замок. Насторожилась толпа. Открылась четырехуголь-

ная дверка. Показалось красное гладко выбритое лицо с багровым носом. Низкий лоб. Насупленные лохматые брови, а под ними маленькие и злые глаза.

Свен спросил:

— Как вы думаете, мы попадем на работу?

Рыжий криво улыбнулся:

— Не советую спрашивать.

— Этот дядя в окне совсем не похож на бесплатное спрашочное бюро...

А тот, что в окне, усмехается. Нехорошая усмешка.

Набрал воздух в легкие.

Крикнул:

— Эй, вы, там!.. Заткните пасть... Тут вас слишком много!.. Нам надо всего четыреста человек!.. Работу получит только тот, у кого будет марка.

Из окнасысылись в толпу жестяные кружки.

Со звоном рассыпались по каменному полу.

Масса дрогнула.

Свян бросился в грязь. Крепко зажал жестяную марку.

Кто-то бешено колотил кулаком по голове.

Свян видно, как тот ржавый схватил жестяницу. Высоко держит руку, плотно зажал в кулак. Другой отбивается от нападающих. Уголком глаза видят Свяна, как двое «даго» клубком катаются по каменному полу. Испанец берет верх над итальянцем.

Борьба не на жизнь, а на смерть.

— О, ого... madonna! — кричит итальянец...

Рвут, пропитанный копотью воздухом свистки полисменов. Грудастые, рослые, сильные. Розовые от хорошей пищи затылки. Шарахнулась толпа...

Свян бросился бежать.

Ржавый крикнул:

— Сюда, к воротам!.. Скорей!..

Когда человеку 25 лет, когда он может есть все, кроме корабельных гвоздей, но когда ему по неделям приходится питаться впроголодь, а именно: три тарелки в день на прогорклом масле и запивать скверным крачайшим чаем (по $\frac{1}{4}$ пинки чашка), и когда он тридцать два часа тому назад последний раз проглотил сосиску из хлебных крошек, пропитанных лохматой кровью, ясно, что в таких обстоятельствах выбирать не приходится.

Денег, заработанных на электрической станции, хватило Свяну ровно на три дня. Сейчас у него в кармане опять нет цента. Шатаясь от головы, забрел в порт. Навстречу — бронзовокожий, прочный, обветренный, бритое лицо, под чешуистые ожерелье седеющих волос. В зубах гипсовая трубка. Весь насквозь пропитан рабой. Острыми наметанными глазами, видящими за мили, прикинулся у Свяна знающие фалы и штурвалом мускулы. Приветливо хриплым голосом спросил:

— Галло! Тебе работу?..

— О, да...

— Пятнадцать фунтов за три месяца, стол и кой-какой процент с улова. Идет?

— Отлично... Только я хотел бы знать, какой процент?...

— Мог имя Дэвид Найт... Пусть черти контролю мою душу, если я кого-либо когда обидел... «Би-Рэди» снимается завтра утром, на рассвете, и если вы согласны?

— Согласен!

— Значит, по рукам?..

— Конечно!..

Би-Рэди — это не тупорылые лайбы, о нет! «Би-Рэди» — стройная шхуна с двумя мачтами, кокетливо нахиленными на корпус. Американцы давно уже учили преимущество постройки судов типа яхты над другими. Вот почему «Би-Рэди», по корпусу, парусности и оснастке похожа скорее на яхту. В трюмах у нее сорок сетей, каждая длиной в 30 ярдов, а глубиной в 6. Оночко яичек в 1 кв. дюйм. Перед тем, как забросить сеть в море, старый Найт приказывает их соединить, и тогда получается громадный невод около милли в длину. Старый Найт не признает камней вместо грузила, в нижнем крае вдоль всей сетки свинцовые накатки, — это для того, чтобы сеть стояла отвесно, как стена. Кроме того, у каждой сети в том месте, где они скрепляются с другой, буй, окрашенный в ярко-голубой цвет.

Хорошие, исправные сети у старика Найта.

И вот, однажды вечером, когда в море показалась многомильнионный косяк сельдь, Дэвид Найт скомандовал:

— Фон и грот долой!..

Привычными руками отданы фалы и гафельгарделя. На-спех прихвачены оба паруса. Судно, подгоняемое попутным ветром, медленно идет под одними кливерами.

А на палубе уже готовят сети... Те, что в трюме, распутывают, очищают.

Найт окунул зоркими глазами море, а через секунду:

— Сбрасывай!..

Едва успевают перекидывать сеть за борт.

Свэн и длинный Патрик очищают снасть...

— Оч-ч-исты!.. — кричит рыбой Кид. Быстро замелькали изъеденные морской водой руки.

— Да шевелись же, скандинавский осел!

Не тут-то было.

Громадный бук закепился за край комисса¹.

— Тр-р-авви!.. Трави или я вытяхну из тебя жизнь!..

В-в-в-ах!.. Просвистело в воздухе..

Ударило буем по ноге...

Захлестнуло трюсом. Таштит за борт... очутился в воде. Когда вынырнул, увидел, что шхуна далеко. Полплыл к буйу.

— О, Фербанка!..

Стал кричать... За зыбью не слышно.

В мозгу четко отметилось: теперь они, как полоумные... Пока сделают поворот... Пока выберут сети.

Пройдут часы.

С тоской посмотрел на удаляющуюся судно. Чуть маячил изумрудно-зеленый и рубиново-красный огни. Цепко схватившись за верхний край сетей, нащупал пояс, снял и привязал себя к тонкому лино. Руками ухватился за буй. Ногами нащупал петли сетей, просунул пальцы. Так легче, как-никак, а все же опора. Зыбь слегка подымает. Задумался. И вдруг... почувствовал, что около что-то копошится. Вздрогнул... Взял себя в руки... Вспомнил...

— Сельль!

Прет рыба, как оглашенная. Двигается сплошной массой... Напирает. Занемели руки, а сельль все гуще и гуще. Отбивается ногами Свэн. Чувствует, как холодные, скользкие тела забиваются под полосатку, в штаны, всюду.

Не выдержал Свэн. Диким воем, повториному:

— О-а-а-а-а!..

А рыба хлынула через верхний край сети. Под ее напором ноги поплыли вверх... С трудом ухтился противнуть их в том направлении, как идет рыба...

Лежит на рыбе Свэн. Рукам больно... Точно их вырывает кто-то... Лопнет по-ясь... тогда конец...

— Только бы выдержать!.. Время словно остановилось.

Сильно клонит ко сну... Понимаешь, что рыбы стало меньше. Тело принял прежнее положение.

Подумал:

— Прощаля...

¹ Брусья, возвышающиеся над отверстием трюма

Усилием воли заставил себя выплыть из-за пазухи и штанов одуревшую рыбью. Поправил пояс... Стал терпеть жажду рассвета.

О, у Свэна терпения хватит!..

И снова время тянется бесконечно долго. На горизонте поплыли янтарные блески.

Вдруг, задергалась сеть...

Сообщает:

— Выбирают...

Всплыл в горизонт... Плохо видно. Глаза с уровнем моря... Разобрал, шуна. Рявкнул:

— Шип-э-г-о-о-о! Би-Рэди—гой!..

Свэн и по настоящее время не помнит, как он попал на судно. Помнил только одно. Глотку обожгло джинны! Потом завертелось все перед глазами. Миллионы сельдянных удивленных голов.

И вот прошло три года. Свэн плывет на большом трехмачтовом барже; они идут из Южной Америки в Гамбург с ценным грузом квебрахового дерева.

Но и теперь по утрам, во время заря, когда на столе появляется греческий кофе, банка с маргарином, тарелка, как камень, галеты и копченая селедка, Свэн не может быть спокойной и ругается:

— О, Фербанка! Опять эта проклятая рыба!..

² Водка

³ Трехмачтовое парусное судно

⁴ Дерево, из которого выделяется дубильный экстракт

РАССКАЗЫ, КОТОРЫЕ БУДУТ НАПЕЧАТАНЫ В БЛИЖАИШИХ №№ «СМЕНЫ»:

И. Евдокимов — Голова.

Е. Сергеева — Чужая.

Г. Никифоров — Тридцать три оказия. М. Дорогомилов — Двочное исключение.

И. Рахилло — Исповедь комсомолца.

И. Турусов — Зарево — Самосуд.

Б. Губер — Новый рассказ.

И другие.

ВОЛХОВСТРОЙ УМИРАЕТ — РОЖДАЕТСЯ ВОЛХОВСКАЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ

П. ЛОПАТИН

(К пуску первого тока в Ленинград)

Волховстрой умирает

И вместе с ним замирает и строительная горячка 15-тысячной рабочей армии, превращаясь в скромный штат в 90—100 человек. Умирает Энзин, этот новорожденный город, обслуживавший Волховстрой и распахший благодаря ему из скромного поселка до уездного города с 18-тысячным населением, с городским штатом администрации, с городскими больницами и поликлиниками.

Волховстрой умирает...

Но вместо него рождается Государственная Волховская электрическая станция. На месте грохота, шума и говора тысячных толп рабочих появились уже собранные и смонтированные в громадном новом здании станции четыре шведских красавица турбогенератора, бесшумные, блестящие, бесконечно тяжелые (каждый весят в 10 000 пудов) и абсолютно послушные пяти механизмам. Только пять человек обслуживают и управляют этими четырьмя машинами.

Эти машины, прочно утвердившиеся между скалистыми берегами бурного Волхова, в краине зданий новой электростанции, точные, как точнейший часовой механизм и силы венецианской силой 26 тысяч киловатт.

Приоткрываются на 5—6 миллиметров лопатки турбин, и прыгающаяся в эти отверстия с высоты нескольких сажен воды приводит в движение всю 10 000-пудовую массу турбогенератора. Почти совершенно бесшумно, мягко и плавно вращаются маховики в 8 метров диаметром, и где-то там, внутри блестящих огромных машин, закрытых непроницаемыми кожухами, рождаются 40 000 лошадиных сил.

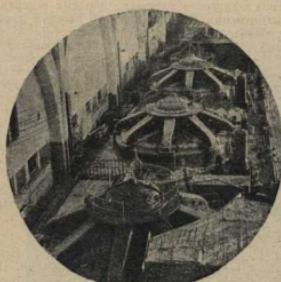
Попробуйте заменить их работой физически сильных мужчин, и вам придется мобилизоваться для этого армии в 1 200 000 человек!

А, ведь, это — только то, что в конце концов бросят в Ленинград четыре шведских турбогенератора. Это — только половина силы пойманного Волхова.

На Волховской станции две половины: в одной шведские машины, а в другой — наши советские «Гатчинские».

Четыре шведских турбогенератора — первая очередь. Они уже собраны и смонтированы. Они уже выдержали строгий и ответственный экзамен.

Волховстрой несумомлю придрался к ним во время их испытания. Малейший сбой, малейшая неисправность или

Сердце станции — 4 турбогенератора

просто слегка ненормальный шум машин — и ее уже останавливают и проверяют еще и еще раз. В результате этой «придирчивости» они работают сейчас совершенно бесшумно, мягко и плавно.

Быстро, полной галопа, вращаются четыре советских турбогенератора — будут закончены монтажем к весне будущего года. Они — первый опыт советской «Электросилы» в области электромашиностроения.

Уступит ли «Электросила» своему заграниценному конкуренту, имеющему ми-

рую известность и долгие годы совершенствовавшемсяся по постройке электроустановок?

Испытания шведских машин показали их высокие качества. Советские же еще только в периоде сборки, но рабочие, производящие сборку своих турбогенераторов, уверяют:

— Не уступим!

— Изоляция у нас значительно лучше, чем в шведских машинах.

От Волховской станции к Ленинграду на высоких мачтах на протяжении 112 верст тянется непрерывная линия электрических проводов. Последнее звено этой линии — воздушный кабель через Волхов — был перекинут совсем недавно.

Шлюзы

Для этого надо было на лодке, в нескользких саженях от водопада, перевезти кабель с одного берега на другой, постепенно разворачивая его с барабана...

Местные рыбаки — опытнейшие лодочники — наотрез отказались: слишком опасно. Ее выполнили несколько добровольцев из рабочих строительства...

Теперь готово уже все, чтобы бросить в Ленинград силу, когда-то неукротимого Волхова.

Мертвый хваткой железо-бетона скованный поток техника быстрое течение Волхова. А ведь еще так недавно по благополучному переходу через него новгородские купцы служили благодарственные молебны.

Завет Ильича неуклонно внедряется в жизнь.

Федунка ветряк — последнее напоминание о старом Волхове.

Воин пишет очередную заметку на... пульте...

...На поле я сражений... На поле боя... Поле—это сцена древнейшего театра—театра военных действий. Здесь, в поле действуют армии, действует вооруженный человек, воин, солдат, красноармеец.

А между тем процесс обучения красноармейца военному делу связывается очень часто только с казармой, с большими сугубо-городским зданиями...

Но красноармеец во время своей службы узнает путь не только от родных полей в красную казарму, но и из красной казармы—в поле.

Каждым летом красноармейские части выходят в лагерь, за город, в поле. И отсюда—преимущественно осенью,—они выходят на маневры.

Маневры—базовый экзамен для каждого красноармейца, для командного состава, для всей армии в целом, ибо маневры ставят каждого бойца и все действующие части в условия, наиболее близкие к действительному бою, к действительновойне.

На маневрах есть все, «что полагается» на фронте: и люди, и оружие, и боевая обстановка—и нет убитых, нет раненых, нет отправленных газами.

И это единственный «недостаток», маневров, «недостаток», который по—своему предлагал устроить знаменитый русский генерал Драгомиров.

1. В противогазах...

2. Артиллерия, начиная работу...

3. Красноармеец разносит крестьянам статью в газете.

ХОЛОСТЫМИ ПАТРОНАМИ

Б НАБАТОВ

Вот они какие—танки!

Солдат и на маневрах должен видеть перед собой смерть! Тогда он будет лучше самокапываться, лучше маскироваться, лучше «звевать». Но как этого добиться? И Драгомиров предложил выдавать солдатам на каждые 100 холостых патронов—два боевых. Драгомиров доказывал, что при этих условиях моральный и учебный эффект будет велик, а вероятность жертвы очень мала; но даже царское правительство не согласилось оплачивать, что солдаты не не только разберутся в различии между боевым патроном и холостым, но и пошлют их в разные цели. Ведь и без казенной выдачи боевых патронов солдаты подстерили на маневрах Киевского военного округа в 1909 и 1910 г. г. генерала Розенштадта-фон Паулина и еще одного «фен-генерала»... И мы думаем, что не столько забора о «серой скотинке», сколько опасение за жизнь «господ офицеров» удержала царских генералов от применения Драгомировского рецепта, подиания «боевого настроения и самотвердости» на маневрах. И недаром на «зеленых маузерах» 1911 года на каждом пачке патронов, выпущенных престолом, было больше печатей, штемпелей, пометок и подписей контролеров, чем холостых патрон в самой пачке.

И легко возможно, что даже при отсутствии казенных боевых патронов, но при меньшей бдительности начальства, Николай II мог не дожить до 1917 года...

Нет, Драгомиров был хороним стратегом, но плохим царским генералом!..

Свои наших быво... Красные против синих. Но в виду того, что и «нутро» и форма и у красных и у синих одинаково «красны»—на фурзажах участников синей стороны—синяя лента под красноармейской звездой по обе

стороны... Обманывать, снять синюю ленту и забраться «шпионом» к красным, или, привив синюю ленту, приснуться синим—нельзя. Лишь в нейтральной зоне, где выгружаются продовольствие и вооружение для обеих сторон—мирно встречаются и помогают друг другу—красно-синие солдаты, сидя с белыми повязками на руках—пограничники—«пушечные» и свободные в своих передвижениях... Они—пограничные судьи и наблюдатели...

Они беспрекословно выбывают людей из строя, отдают их в плен, сдают боевую позицию после первой же умелой атаки, или, наоборот—после повторных атак, заставляют истекающие кровью наступающие части отойти на исходные позиции, чтобы подсчитать «раны», вывести из состава части определенный процент условно убитых, мимо отравленных газами, якобы попавших в плен...

Коренатый красноармеец Митя Панкин «обладает» своим доблестной частью». Они так стремительно бежали вперед, они так здорово кричали «ура», они так поддавали своей численности «неприятеля», что не может быть, чтобы «в таком разе на действительной войне не занять эти деревушки!»

Но постредние неумолимы и безапелляционны. «На ура—не возвращай». Вы бежали и кричали, а по вас из «максимов» и артиллерийских крыльев. И хоть бежали вы быстро, да командир сделал большую ошибку—повел через открытую местность и начал атаку со слишком дальнего расстояния. И пустили в вас было, да не маклерились, пошли во весь рост, кучками топились—потом и «перебились».

Крым, чечет!—как говорится. В настоящем бою сам Митя Панкин, по всей вероятности, остался бы лежать, перед проволочными заграждениями врага. Ибо и он «в пылу боя забыл о маскировке и понадеялся на «шапочки» закидаки».

Помогают крестьянам на молотьбе

Да что Митя Панкин! Вот соседней роще сегодня день такой выпал — куда ни кинь — всюду каштаны!

Только двинулись—летят самолет, а на «живые» него более полотнище—лента. И хоть гиры на крыльях родные красные патинические звезды, все же—сегодня он «неприятельский», значит надо «замереть», отложившись в обычах дороги, у кустарника, чтобы не заметил воздушный разведчик, чтобы, чего доброго, и бомбу не сбросил.

Улетел—далеко пошли. Но, чорт возьми!— участок леса отправлен устойчивыми газами, надо подождать, обедзираханов—дегизируют местность. Снова задержка—надо делать крюк. А там—новая беда—блескет в глазах толстый недавно на реке засыпанный узел и шифтва неприметной черепицей мост, но на перилах стоит насклемка: «мост союзен отступившим противником» и уперли стоят посредник. Это значит, что надо переждать «законный времяника саперы «наведут» временный мост.

— Ну и денек! Так и боя не увидишь...

Но бой слышен. То нарастают, то ослабевают, слышится орудийный гул, изредка слышны и «строчки» пулеметов. Через условно сожженный мост проходит условно убитый красноармеец. Он шел вместе с другими в атаку, но не услыхал команду «надеть противогазы» и «погон» газом обаже вместе с еще несколькими бойцами.

— Куда на фронте?—засыпают условно убитым вопросами... Он рассказывает с воодушевлением:

— Настоящая война! Чего только нет. И зашило уже далеко вперед ушили... Приказано—и почти во что бы то ни стало занять монастырь... Там ихних батареи стоят и штаб там...

— Дела!.. Нельзя ли мост скорей «отстроить»...

Третий день идут бои. «Синие» наступают. Умелым взаимодействием артиллерии и бронемашин они выправили фланг противника и теснят его к реке... Самолеты «синих» взорвали сомнительный мост через реку, и вот теперь «красные» приходится перебрасывать подкрепления на ту сторону реки на плотах; на поплавках. Надувают красноармейцы поплавки, на ряды поплавков укладывают доски, протянуты веревки, и вот начальася переправа. И чудом кажется то, что эти мешанины, надутые так просто «своими дыханиями», выдерживают плот с людьми, с ло-

шадьми, с орудием. Что твой корабль? Ночью небо шарят прожектора, ночью тихо передвигается кавалерия, подводятся такси и усилено работает радио-станция штаба...

А в это время в аэроплане, где стоит штаб полка гвардейцев. В ринге работает кино-передвижка, а в клубе в полном разгаре вечер вопросов-ответов с концертным отделением—из Москвы по радио-тромбоговорителю». Дядя Антон бережет в ринге в клубе и обратно: то кусочек картины посмотрит, то музыку «из самой Москвы» послушает, то на дороге в возбуждении с огороженным замком политруку, что «совсем потерялся», не знает, где интереснее: и кино в первый раз видит и чудо-радио в первый раз слышит... как тут быть?

На улице—благо здесь «стиль»—заливается гармошка и красноармейцы с девками пляшут... Всё пришли усталые, 20 verst в два приема отмахали. Но радушная встреча крестьян, поставленный самовар и настеленная скамья золистая солома сняли усталость, вспили бодрость, породили радостное чувство своего супружества

И потому-то ни завтра утром усердно молодили красноармейца крестильную рожь, спешно перед новым походом своим трудом помочь хлопанию, делая подкрепить свои слова, которые превратили ночьной разговор за самоваром в своеобразный политический...

Красная армия учится воевать. Мирная жизнь учится воевать. Мы более технически некоторых наших возможных противников и потому надо возможно лучше воспитать и обучить одиночного бойца. И надо научиться умело с максимально большими результатами использовать свою технику и те массы людей, которые мы можем выставить.

На маневрах—как на войне. Учеба на маневрах—боевая учеба, это—боевая закваска для тех, кто не был на войне, и проверка для тех, кто должен переучиваться, переваривать опыт прошлой войны, перед лицом новых видов оружия, новых боевых порядков и новых военных методов...

Холостыми патронами—на маневрах, боевыми—на войне. Но и холосты патроны могут дать победу или поражение. И победа холостыми патронами—залог победы патронами боевыми...

Вот почему большие успехи осенних маневров 1926 года, отмеченные в специальном приказе предреввоенсовета т. Боришика, являются большим достижением в боевой подготовке Красной армии...

И Когда Митя Панкин—красноармеец первого состава 1-го взвода, 1-й роты Н стрелкового полка, Н территориальной дивизии, возвращался с маневров домой, он чувствовал, что теперь он уже, можно сказать, боевой красноармеец, которого «стальной» не запугаешь, и который сам может из огнемета, так «скажнуть», что «противник»—погиб больше...

И когда вина была уже окончика родной Степановки, Митя Панкин остановился, взбрался на пень и у聆нулся...

— Вон там и убежал! За горкой хорошо установить батарею, если брат Степановку с боем—и нет лучше, как по тому овражку пулеметный взвод продвинуть, а телефон по опушке пустить—ей-еи...

Холостыми патронами—а учеба боевая... Вот они—маневры! Интересно на маневрах... да!..

1. Собака-почтальон,—вот-вот к посыпке

2. Перебежка под огнем противника

Стенгазета вышла!

3. Роют окопы,— работа идет по всем правилам военной техники

ОТВЕТ НА ОТВЕТЫ

С. СМИДОВИЧ

ОТ РЕДАКЦИИ

Письмо Нины Вельт, явившееся ответом на ответ тов. Смидовича комсомолке Лиде, было помещено в 12 номере «Смены», но не одно оно было прислано в редакцию «Смены», как ответ на ответ тов. Смидовича на письмо комсомолки Лиды. (См. № 15, 16 «Смены»).

Редакция «Смены» помещает данное письмо тов. Смидовича, как ответ на по-лужные редакционные статьи и заметки по вопросу, затронутому в ее письме Лиде.

Письмо в редакцию.

Дорогие товариши!

Очень извиняюсь, что задержала вас со статьей, которую вы предложили еще поместить в августовском номере, и прошу вас хотя с некоторым опозданием поместить мой ответ на ответы, присланные в редакцию по вопросам, затронутым мною в переписке с комсомолькой Лидой.

Начну с ответа тов. Нине Вельт, комсомолке и партийке, письмо которой было помещено в 12 номере «Смены».

Нина Вельт весьма недовольна моим ответом комсомолке Лиде. Она находит, что им ни в коей мере не могла удовлетвориться Лida, которая ждала «на проклятые вопросы» прямых ответов. Нина Вельт против теоретизирования. Она полагает, что в вопросах любви нужно быть смелым и брать быка за рога. Причем тут теория?

Любовь... Что это такое? — спрашивает Нина, и тут же отвечает словами старой песни:

«Зовет ее ангел блаженством небес,
«Мучением ад» зовет ее бес».

Правда, сама Нина смотрит на любовь иначе: любовь, видите ли, «сложный комплекс постоянных и условных рефлексов». Формула же товарища Смидовича, которая утверждает, что любовь для женщины — это длительный процесс зачатия, носения, рождения, кормления и воспитания нового существа, является упрощением, хотя, правда, нельзя отрицать, что вопрос о плодах любви в данном моменте — важнейшая практическая часть проблемы».

Итак, теория о практики в понимании вопроса тов. Нины входит в противоречие, которое, по ходу дальнейшего течения ее мыслей, легко разрешается путем принципиальных поправок, которые человек при коммунизме внесет в природу, а пока что хотя тов. Вельт «за детей», но рождение ребенка должно определяться волей разума, а не слепым случаем.

Вы удовлетворены? Вам стал вопрос ясным?

Мне нисколько.

Ну, предположим, воля разума определила в данном конкретном случае рождение данного конкретного ребенка.

Почему же это меняет дело? Разве в этом случае любовь, хотя бы и при условии контроля деторождения, регулирования его (как об этом говорит Нина Вельт), явилась для женщинам все тем же длительным, процессом зачатия, носения, рождения, кормления и воспитания нового существа, сложным процес-сом, который требует определенных ус-

ловий и никак не может происходить под кустом и открытым небом, в особенности в условиях нашего «климата»?

Десятки «мирных» и относительно беззрредных предупредительных мер, о которых говорит Нина Вельт, едва ли изменяют дело. Пусть у женщины, умеющей, согласно советам Нины Вельт, «мирными» средствами регулировать рождене детей, их будет не 18, как это частенько бывает у крестьянок, а только двое-трое детей, и все же вопрос не приобретает от этого большей ясности.

Мы мало того, что находимся под властью законов природы, и не переживаем очень трудное переходное время. Может быть, смелая Нина Вельт надеется на то, что в будущем ребят будут выводить в ретортах химических лабораторий, а пока что извольте-ка разрешать вопрос в конкретной обстановке, когда такой лабораторий не является организм женщины, и на нее ложатся все заботы о «гуманитике», происходящие от сближения с человеком другого пола, в том случае, если таковой твердо уверен, что его дело лишь срывать цветы наслаждения, а все остальное и без него обойдется.

Правда, Нина Вельт, легко перепрыгнув одним прыжком из царства необходимости в царство свободы, дает определенный рецепт счастливой супружеской жизни, за который определенно должны ухватиться те, кто стремится свалить с своих плеч заботу о «продукции».

Раздельная жизнь — вот тот волшебный ключик, который Нина Вельт кладет в руки еще колеблющихся. Вот то, что обеспечивает и взаимную симпатию общности интересов и независимость женщины.

Благодарю покорно, тов. Нина Вельт, за такую «независимость».

При «мирных» средствах она быть может и хороша, но при прочих равных условиях, т. е. при кормлении, воспитании и проч. (ведь Вы «за детей», тов. Нина Вельт?), не худо бы и, чтобы и «она» вмешалась немножко в это трудное дело, не наяняк же, в самом деле, и губернаторок рассчитывает Нина Вельт. Учреждения охраны матерлада не tanto это скроет, по отсутствию необходимых для этого средств, разрешить проклятый вопрос.

Когда Нина Вельт помешает воображаемым ею мужу и жену в разные квартиры, в двух разных домах и на разных улицах (жилищный кризис отходит, повидимому, тоже в сферу принципиальных разговоров) и этим считает вопрос исчерпанным, то ей, повидимому, и в голову не приходит вопрос: а куда же поместить ребят, могущих все же народиться у ее счастливой, раздельно живущей пары. Так берет Нина Вельт быка за рога. Видно, не знает Нина Вельт, что у нас жилищный кризис и что очень значительная часть рабочих и работниц у нас все же живут в рабочих казармах, и что жилищные условия у нас так тяжелы, что «половой» жизнью приходится жить на общих спальнях, что преследуется администрацией, или ждать тепла, когда можно проводить ночи на открытом воздухе. (Цитировано

по материалам обследования быта детей и подростков Трехгорной м-ры).

Посмотрим, как жизнь частенько разрешает вопрос «о раздельном жительстве». Привожу точные слова из одного заявления, подданного в суд о взыскании алиментов.

До родов: «Он пришел к разговору на тему о предстоящем отнесся, как-то неопределенно, не то шутя, не то серьезно. После этой встречи он пришел опять по просьбе за две недели до рождения ребенка, в конце мая месяца. В то время он говорил, что беспокоится нечего, все будет так, как должно быть, и то, что зависит от него, все будет сделано, а сам уехал в отпуск. Когда он вернулся, то ребенку уже было 1 месяц, но ко мне он не приходил. Мне же увидеть его не было возможности, т. к. не могла отлучиться от ребенка (у ребенка болел глаза и пришлось серьезно заняться лечением). Только по выходе снова на службу, я его увидела и сообщила, что нужно оформить регистрацию ребенка. На это он категорически отказался и сказал, что он не желает, чтобы ребенок был зарегистрирован на его имя, и чтобы кто-нибудь об этом знал. Я зарегистрировала его на свое имя, в отношении материальной помощи — он обещал аккуратно платить своему ребенку, и даже предлагал подпись, но я ему вообще верила и не настаивала на подпись. Он платил по 30 руб. в месяц в продолжение 6 мес., но ни разу ребенка не видал и ко мне на квартиру не приходил. Все мои попытки переговорить с ним по телефону или встретиться оставались безуспешными. Так продолжалось месяц, потом я убедилась, что он своим голосом отвечал, что его «нет». Я написала ему письмо и просила, чтобы он был аккуратен в смысле платы, но ответа не было. И вот недавно я дозвонилась к нему на квартиру и он мне сказал, что отвечать он на письма и ни на что вообще не намерен, и считает, что разговор об этом вопросе кончен, и посоветовал мне об этом говорить меньше и с этим ему не надоедать. Сейчас ребенку 1½ года».

ЧИТАЙТЕ
в следующем № «СМЕНЫ»
рассказ Е. Сергеевой
„ЧУЖАЯ“

К счастью, Нина Вельт, по ее собственному суждению, не дает рецепта всеобщего счастья. И хорошо делает. Из-праздно только она требует от меня тех самых морисонских пильоль, от которых отмежевывается сама.

Мы, конечно, охотно прощаем Нине Вельт ее «женскую болтливость», о чем она нас, надеюсь — не для красного словца, просит, но что трудно ей прости, так это ее полное равнодушие к теории, которая у нее скрывается под маской иронии: «пустые гипотезы», «дешевое марганизование», «блестящая, но холода сфера принципиальных разговоров», «упростительная формула и небесные

принципы» и проч. эпитеты характеризуют попытки тов. Нины подойти к вопросу о любви не только с точки зрения автора старой песни, слова которой она приводит.

Правда, отворачиваясь с отвращением от одного предложения, что любовь для женщины является сложным процессом сошения, кормления и воспитания ребенка, Нина Вельт дает более подходящую и, повидимому, с ее точки зрения, менее отвлеченнную формулу определения любви: «сложный комплекс постоянных и условных рефлексов».

Ну, а в чем же корни этого сложного комплекса, спросим мы, как не в том же инстинкте размножения, присущем всему живому,—инстинкте, который для женщины сопровождается сошением, рождением и кормлением ребенка? Факты — упрямая вещь, тов. Нина Вельт. Вы сами в этом признались.

Я хотела бы узнать, согласна ли с Вашими прямыми ответами Лиза.

Директивы, рецепты семейного счастья и проч. и т. п. Лиде дать никто не может, но вполне возможно помочь разобраться в ставшем столи обычным явлении, когда первый встретившийся на ее жизненном, еще таком коротком пути паренек предлагает своему товаришу по комсомолу: «Любовь под кустом на 7 месяцев», я попыталась это сделать, прежде всего посоветовав Лиде теоретически разобраться в интересующем ее вопросе. Вас это шокирует. Вы, может быть, думаете, что вопрос сложного комплекса не поддается грубому марксистскому анализу? Будем надеяться, что Лиза держится нескошко другого мнения, чем Вы, и не столь иронически относится к теории. Что касается практического совета, то мы посоветовали гнать паренька с его хулиганским предложением в шею, при чем высказали мнение, что не все парни, с которыми Лиде придется встретиться

еще на своем жизненном пути, столь хулигански настроены. Думаем, что Лиза, судя по ее письму, человек рассуждающий, которого трудно поймать на удочку красных слов и старых песен. Она сумеет взять себя в руки и не коверкать своей жизни в углу паренекам с философскими рассуждениями о мещанстве и проч. штучках.

Выход, предложенный другими товарищами, как, напр., «дружественным корреспондентом» Нины Вельт, т. е. кооптирование беременных, едва ли удовлетворит Лизу. 60 рублей платить за содержание ребенка в яслях — вот к чему в сущности сводятся предложения дружественного корреспондента. Из них 30—падает на долю, в большинстве случаев находящегося в негях отца. Давать такой выход девушке, которой предложено 7-месячное супружество под открытым небом, по меньшей мере наивно.

В заключение придется только еще раз поставить точки на и. Только путем величайшей организованности своего сознания и своей воли может женщина выйти из того тяжелого положения, в котором она очутилась в наше переходное время. Это положение создалось благодаря противоречию между крайне неустойчивым положением семьи, характерным для переходного от капитализма к социализму времени и находящимися еще в зачаточном состоянии строительства тех учреждений, которые со временем снимут с плеч матери заботы о воспитании детей. Никакое законодательство, как бы оно ни защищало женщину (а наше советское законодательство всецело стоит на защите женщин), неспособно создать ей такие условия, при которых, покинутая отцом своих детей, она сможет безболезненно воспитать их.

Сама жизнь, бесчисленные взыскания женщины через суд алиментов, не менее

бесчисленные жалобы на злостную неуплату таковых, наконец, многочисленные процессы, связанные с отысканием отцовства, — все это показывает, что пострадавшей стороной в большинстве случаев бывает женщина (очень редки случаи, когда разыскивается мать детей, еще реже случаи, когда с нее взыскиваются алименты).

Выход может быть только один: страдающая сторона — женщины — сами должны прежде все поддаваться иллюзии и знать, что их ожидает в случае легкомысленного подхода к вопросам пола, не поддаваться прекрасным разговорам о свободной любви, упрекам в мещанстве и проч. и т. п., знать, что все последствия будут нести они — женщины, и что поэтому они не имеют никаких оснований верить на слово.

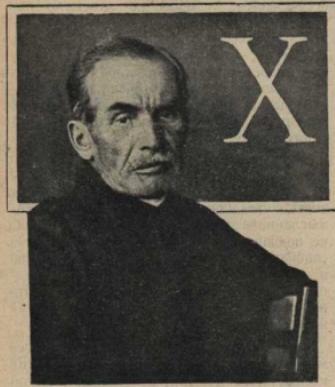
Конечно, работа среди широких слоев молодежи в области быта, поднятия культурного уровня, развития социалистического сознания — и все это на прочной базе укрепления и расширения промышленности даст свои результаты. Конечно, растут кадры молодежи, сознательно относящиеся не только к политике, но и к быту, и не допускающие в своей жизни мелкобуржуазных перешкод в вопросах пола.

Но все же женщина, и только она сама в огромном большинстве случаев должна обладать достаточно организованным сознанием и волей, чтобы не ити по течению, а самой способствовать как активным участием в строительстве учреждений, раскрепощающих женщину, так и устройством своей индивидуальной жизни, скорейшему изживанию старого, неорганизованного, мелкобуржуазного быта и переходу к новым формам быта, для которых характерными являются высокая организованность и сознательность.

МЕРТВЫЙ ГОРОД АРА-ХОТО

А. ЛЕВИ

П. К. Козлов

«П. К. Козлов возвратился в СССР. Экспедиция его кончена. Все, что могли дать раскопки «Мертвого Города», сделано»...

Эта весть облетела весь Союз. Всё газеты поместили краткое сообщение о ней. Но кто же этот П. К. Козлов? Что это за «Мертвый Город»? Для чего его нужно было раскалывать—да еще тратить на экспедицию (путешествие) целых 50,000 р.? В 1908 году 2-го декабря скромный путешественник П. К. Козлов прибыл в Кяхту (на границу Китая), чтобы отсюда двинуться вглубь Монголии и далее в Сы-Чуан, местности с бамбуковыми зарослями, диковинных медведей, обезьянах и чудных птицах — лофопорах¹, путешественники мечтали еще со времен знаменитого исследователя-путешественника Приевальского; но ни один из них не мог попасть туда из-за труднейшего пути через горы и пустыни и неприменимого, полудикого населения — тангутов.

¹ Величина с павлинами, изумрудно-зеленого цвета с металлическим отблеском и коронкой, но без павлиньего хвоста.

«Добиться во что бы то ни стало Сы-Чуан — вот о чем мечтали лучшие путешественники на пороге Китая — мечтал и Козлов, почти двадцать лет тому назад; но судьба, однако, рещила иначе...

Почти через три месяца тяжелого пути от Кяхты через горы и пустыни в ледяную стужу зимнего времени Козлов добradился, наконец, до уроцща «Тирчи» в глубине Монголии. Стойка самий разлаг весеннего прибрежия. Озерки подле уроцща еще были затянуты посиневшим покровом тающего льда. С каким днем путешествие становилось все легче и легче, время было дорого... Но у самого изгната тишиной части страны, хранившей город, к которому никто из местных жителей не решался подойти, приходилось все еще ждать... разрешение местного князька (байза) тогругутов. Без его разрешения пройти вглубь их страны было нельзя. Иначе будешь ограблен и замулен пытками! От путешественника В. А. Обручева тогругуты (местный народ) раз уж скрыли существование «Мертвого Города» и повели его огромным крюком пути, чтобы только не показать своего «чуда». Разрешение было дано, и 19 марта путеводитель Козлову был открыт!

Быстро спарившись с небольшой исследовательской отряд, углубился в пустыню, и скоро среди местных песков, засыпавших берега этой земледельческой культуры, «Мертвый Город» Хара-Хото был открыт и стал достоянием науки...

По преданию город этот (около XIII века нашей эры) был разрушен китайскими войсками за то, что его владелец посыпал на головы ханский престол. Храбрый владыко багтырь Хара-Хото был бьльшом на глазу у богданчана. Но живым он не дарил ему; не пошли в богданчанске руки ни сам он, ни его несметные скровища (80 арб серебра на 30 пудов в арбе). Хара-Цзян-Уэйон — так звали владыку Хара-Хото — в последнем кровавом побоище, жену и детей отвел перед битвой сам, а скровища скрыл в глубоком колодце. Много смельчаков после этого искали багтырского клада — говорят тортуготы, — но все погибли от злых чар.

Конечно, никакие «чары» Козлова не тронули. Не тронули и тогругуты; и поэтому огромный клад он тоже не нашел, если не считать кладом из ромбов из золота и цинкона — остатка, что было им найдено в раскопках развалин Хара-Хото. Множество мелких предметов различного культа, рисунков, рукописей, книг и даже кредиток, напечатанных 700 (!!) лет тому назад в Китае, было им во время раскопок открыто, собрано, сохранено и дано багатейшую научную коллекцию, которой нет еще в мире: ведь Хара-Хото учений посыпал впереди!

Через 3 дня деятельности работы в Хара-Хото, «Мертвый Город» путешественники оставили, а еще через 10 дней они двинулись опять вглубь пустыни в 560 верст шириной, вглубь ужасной Алтайской пустыни...

В такой пустыне едва уже не погибли Приевальский и Сви-Гедин, заблудившиеся в пон-

сахах воды. Это же грозило и П. К. Козлову, так как ветер постоянно меняя очертания песчаных холмов и заносил холмы и следы до того, что разобраться в них было невозможно.

Но и этот путь Козловым был проиден. 9 месяцев путешествовал он потом по пустыне в южнее ее, делая мечту пренести в Сы-Чуан. Как видно 7 декабря 1908 года он получил предложение «отложить исследование Сы-Чуана и сосредоточить все внимание своих на Хара-Хото...». Оказалось, что по доставленным материалам раскопок в Петербургской Академии Наук установили, что Хара-Хото — это остаток столицы пропавшей от XI до XIII века.

Через 19 дней пустыню путешественники прошли в обратном направлении и снова прибыли за старые раскопки. Месяц с лишним проводили они эти раскопки, прибывали много нового. Наконец, грубо, но тщательно облагородили.

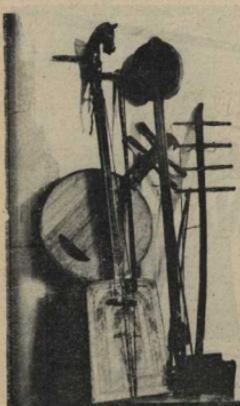
Среди находок, оставленных напоследок, Козлов напотому, из-за одиннадцати «фургонов» (надгробий мавзолея). И что же? Почти 2.600 книг, свитков, рукописей, до 30 древнейших икон, много статуй, клише, моделей были сразу вскрыты из-под обломков, почти 1.000 лет скрывавших эти скровища древней китайской, персидской и буддийской науки и искусства! Да каких: каков и совершино и неизвестны в науке, за самыми малыми исключениеми!

Однако, время и средства, экспедиции истекали. Несмотря на то, что «Мертвый Город» мог бы подарить путешественнику еще немало драгоценности, приходилось все-таки возвращаться в Россию по тем, чтобы при первой возможности снова прибыть сюда, для новых трудов, для окончания такого прекрасного начала... эта первая возможность наступила. Но только... при Советской власти. В 1925 году Козлову было отпущено ею 50.000 рублей на продолжение его исследований.

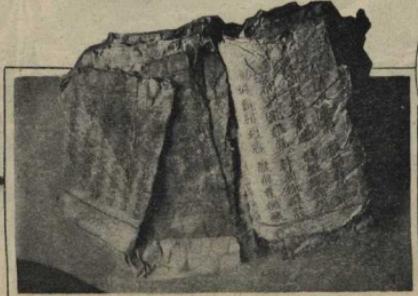
Но неужели же Советская власть выбросила 50.000 руб. на какой-то «Мертвый Город» ради одного старого храма и сотни китайских иконок и идолей? Для чего такая затрата денег на пустыни?

То, что нашел П. К. Козлов, для научных не пустыни. Это — остатки материального быта, достовернейшие свидетельства участия человека в жизни.

Мало того. Потом Козлов выяснил еще ученые признаки быта, городов и промышленности соседней монгольской: укрепили новые дружественные связи с его трудовым населением-крестьянством. И если после его последней экспедиции эти связи станут еще прочнее — этого одного будет уже достаточно, чтобы, если понадобится, послать туда же еще не одну экспедицию. Они оккупятся сторицей.

Музыкальные инструменты
Монголии и Китая

Нерасшифрованные письмена, найденные при раскопках Хара-Хото

Тибетское божество «Тиршиитури»,
по-монгольски — Бады-лама

ХУЛИГАНСТВО В ДЕРЕВНЕ

Р. АКУЛЬШИН

Деревенская молодежь тягнется в город, рвется безудержно. Но разве город может вместить в себя стремление?

Никогда прежде деревня не стремилась к знанию так, как стремится теперь. Скажу, деревня стала более сознательной. Это верно. Но не одна сознательность толкает на поиски знания. Тяжелое положение рано и поздно заставляет искать выхода.

Очти говорят:

— Мы крестьянами родились, крестьяны и умрем, а детей охота освободить от прошлой крестьянской «должности»...

Чтобы освободиться от «должности» крестьянина, родители согласны определить своих детей в любую школу:

— Пусть дети будут кемгоди: учительами, фельдшерами, артистами (а это у последнее дело), только не крестьянами.

Конечно, этими словами заставляют говорить отсталая техника крестьянского хозяйства, избыточные пока рабочие руки в деревне.

Количество заявлений в сельские школы II ступени в 5—6 раз превышает наличие свободных мест. Стремление крестьян к просвещению должно радовать всякого. Это хорошо. А что плохо? — Плохо то, что деревенские парни и девицы, окончившие вторую ступень, в настящее время, самые несчастные люди. Получив образование, они (в первую очередь, девицы) изменяют покрой своего платья, ботинок, форму прически. Они заботятся о том, чтобы не истощалася запас косметических снадобий, они считают себя в праве не заниматься крестьянской работой, не пытаться на гумне, вечерами долго гулять, днем спать «по благородному» до двенадцати часов.

Родители перед ними ходят на цыпочках. Необразованные сверстники боятся с ними водиться.

— Где уж нам с «культурными» якшаться!

Выходит так, что «культурность», «образованность» прививаются с ее внешней стороны, с городским пошибом. Окончивший II ступень не становится пригоднее в хозяйстве, нужнее деревне, наоборот, дается как чужим ей. Его «кое-какие» знания остаются висеть в воздухе, предрасполагая к неудовлетворенности.

Длительно ли это?

Пожалуй, так будет, покуда мы не завершим первого этапа индустриализации страны. Покуда вся деревня не почувствует окрепшую помощь города. Тогда, несомненно, наступит перелом и подъем в отставших слоях деревни. Деревня освободится от необходимости болезненно штопать дыры по хозяйству. Машин, завоевавшая деревню, поглотит ее живую силу, принесет ей новое отношение к своей жизни. Тогда не будет места оторванной «образованности», — каждый клочек знания найдет себе полезное применение. Деревенская молодежь отбросит этой болезнью ложной культуры...

А пока изымают «образованные» из деревенской скучи. Тоска смертная глядеть на них.

Идут образованные девки и парни тягнуть на дамбу, дырявится шоссе от

каблуком праздновающих. Так и говорят мужики и бабы:

— Вон каменотесы на разгул пошли, последние камни на шоссе каблуками обтесывай.

Обтесывание камней с полгоря. Вторая стадия бездействия — пьянство, скандал, драки.

Стычки «образованных» с «необразованными» — обычные деревенские картишки...

Волна клубной работы, культивроветов, драмкружков, как это было в 1919—20 гг., как-то склонула сейчас в деревне.

Читальни... Не везде имеются читальни, а если и дразнят вывеской, то внутри — просветительского здания зачастую нет ничего, кроме двух-трех истрепанных брошюр о коровах, овцах и многоязычьях... Всем не заткнешь рот пятикопеечными брошюрами по сельскому хозяйствству.

Прежде были романы про путешествия, про любовь, а теперь только про овец, про лошадей да коров. Читать нечего. Деревенскому парню и девушке хочется знать не только о коровах и овцах... А от этого часто забывают... Молодежи некем заняться. Она идет на улицу и там начинает дебоширить, хулиганить.

Пришло мне недавно побывать на большом учительском собрании. С большой целью были созданы советы учителя: поставлен был доклад о международном положении. Благодарная задача была поучена молодому человеку. В пять часов вечера уселись учителя (первой и второй ступени) на скамейки, а докладчик, опустив голову вниз, зашагал из угла в угол сцены, усыпая монотонностью собравшихся. Но спать как-никака неудобно. Учителя напрягали внимание. Докладчик шагал. С пяти часов до шести, потом до семи... да восьми...

Мы коснулись положения в Англии и Франции, теперь, заглянем, что творится в Италии, а в заключение поподробнее остановимся на Китае...

Поплезли глаза на лоб у многотерпеливых учителей. Краяки, а сиди. Только одна душа не вытерпела. Пробкой выскочив из зала, она забегала по коридорам, умоляя указать ей крючок на потолке...

— Зачем? — спросил я.

— Повеситься!... — раздраженно усмехнулся учитель. — Сил никаких нет... Ведь он еще проговорит часа три!.. Ведь задался целью рассказать содержание газет за последнее полугодие...

Нечаянно я вспомнил сейчас об этом. Разве не морят многочасовыми докладами молодежь в рабочих клубах? Разве не угощают тем же деревенскую молодежь командированные из укомов и райкомов?

Были стекол, матерщина, драки — все это часто расцветает в результате неумелого подхода к клубной работе.

Загляните в чайные — городские и деревенские... Там полны- полно. Там каждый чувствует себя, как дома... И разве кому взорвет в голову желание похулиганить?.. А, если в чайной выступают певцы и музыканты, то нет конца радо-

сти и благодушию публики. Клубным работникам нужно повнимательнее при смотреться к облику трактиров и чайных, понять их дух, и может быть кой-чему поучиться.

Драки, матерщина, похабные песни, поджоги, биты стекол, мазанье ворот дегтем, отрезывание кос девицам, отравление животных — вот разновидности хулиганства, и в частности деревенского.

В одной деревне «хулиганы, ворвавшись в Народ, выкололи на портretaх глаза всем вождям революции и в ключи изорвали красное знамя». В другой деревне разнесли в щепки памятник Ленину.

Рассказ, услышанный мною от деревенских ребят, говорит о «невинном» хулиганстве поповского сынка...

«Стали слухи по деревне ходить — земя по ногам летает, безбожников хватает, в колодезь запихивают... Все боялись, а комсомольцы не верили: никаких змеев не призывает. На словах-то храбры, а как до факта дошло, не выдержала кинка. Наш брат, беспартийный, как смирился, домой скорей, а комсомолы храбрятся, секретарь выхваляется: в полночь на улицу выйти не забьюсь... — выходы, коль много штанов сухих, а мы не согласны. Вот собрались комсомольские кончили. Другие комсомолы, которые с головой, после собрания в домах, в скверах, на улицах, в холодах, дожидаются. Вот в полночь под ними небесом и змеями... Секретарь бежать, а голое с неба: «И с места!» Сидят бы в колодне храбрец, да время додались молитву сотворить, рассыпалась земя отгненным дождем, а секретарь свету не видел... Бежит, как чумой, колбасой, земли не чует, с разбегу не в деревя, а в окно угодил, два больших змея высыпало (расход не маленный), дома перепугались: «Что ты, что с тобой, да воскреси бог!» А секретарь знал одно твердит: «Есть великая сила природы...» Секретарь — часы секретаря — то, душа в пятки убежит, а ноги не успеют приподняться, говорит. А дни через три весь народ ушел в деревню змеев. Сын пополз кожей веера в глину поднялся. Натыкать глину в кожу в тщете горят. Только Семя Крутава не забоялся, отгрел змеем жаленным прутом, теперь лежит змей, умер навсегда дни через три... Попадь змей жалит. А по-нашему — не зорь! Ей сина жалко, а секретарю комсомольского денег на стекло не жалко? И опять же конфуз перед нами, беспартийными. Природа — природа, а струсил замечам?

Заключение

Мы должны уяснить для себя все объективные причины, способствующие процветанию деревенского хулиганства. А их не мало. Тут и неудовлетворенные культурные запросы (отсутствие читален, отсутствие книг в чайных; заключенные досками народные дома и плохая постановка клубов), и бездействие, и самогон, и горькая.

И передняя отчужденность партийных от беспартийных и вражда «образованных» с «необразованными».

Но положение не безвыходное. Мы справляемся с более серьезными вещами.

Каждое отрицательное явление, на котором сосредоточивается внимание общества, на время как бы заслоняет другие, противоположные ему положительные достижения. Примаса городского и деревенского хулиганства искалила лицо части нашей молодежи, рожа хулигана выплыла слишком на вид, заслонив другие типичные лица. И сознательная, передовая, культурная молодежь стала в первых рядах тех отрядов, что выходят ежедневно на беспощадную борьбу с оформившимися хулиганством, с теми причинами, которые могут вызвать разложение неустойчивых слоев всей массы молодежи.

Русские футболисты приветствуют немецких товарищей, поднося им букет красных роз

Текущим летом Высший Совет Физической Культуры сумел провести цепь ряда больших международных встреч наших сильнейших физкультурников за границей.

Зато с приездами иностранцев в ССР дело обстояло много хуже, чем в предыдущие годы.

Намечались футбольные встречи с иностранными командами Швеции, Турции и Египта, но их организовать до окончания сезона так и не удалось.

В нынешнем году были организованы следующие поездки: сильнейших советских стрелков в Германию на Всесоветский стрелковый конгресс соединения, лучших легкоатлетов и велосипедистов — во Францию и Германию, сборной футбольной команды ССР — в Германию, закавказских футболистов — в Финляндию, украинских металлистов — в Австрию, украинских горняков в Германию, лучших борцов — в Германию, 3-х мотоциклистов — гонщиков — в Лейпциг Берлине, наконец, лучших велосипедистов — в Латвию. Эти поездки, помимо чисто спортивного значения, имели и политическое значение в деле укрепления взаимоотношений рабочих спортивных организаций Запада и ССР.

Благодаря тому, что наши физкультурники в течение нескольких последних лет выступали в Германии, Высшему Совету Физкультуры удалось договориться с немцами о создании комитета единства русско-германского рабочего спортивного движения. Это является крупным успехом, ибо в Германии запрещены рабочего спортивного движения, социал-демократы, чрезвычайно упорно ставили преграды нашей совместной работе.

Советские стрелки выезжали за границу впервые. Их за рубежом не знали. Поэтому понятно, какой восторженный прием они имели после побед над лучшими германскими стрелками.

В гор. Касселе советские стрелки, выступая против победителей первенства Германии в разряде малокалиберных винтовок, заняли 8 первых мест. В стрельбе «лежа» они опередили каселльцев на 61 очко, а в стрельбе стоя — на 110 очков.

В индивидуальном первенстве лучши был признан Булыгин, который набрал 179 очков, вторым Шутаев — 176 очков и Лапин — 171 очко. Участники в каче-

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ ВСТРЕЧИ НАШИХ СПОРТСМЕНОВ

Б. ГРОМОВ

Наши борцы в Германии

Команда легкоатлетов ССР в Париже

стве призов привезли с собой художественные дипломы и красное знамя.

Еще будучи на состязании в Берлине, я был свидетелем следующего интересного разговора представителя тяжелоатлетических организаций Германии с нашим руководителем. Немецкий товарищ приглашая лучших советских борцов, неожиданно участию заявил о том, чтобы русские приезжали бы днем за 5 до состязаний, для того, чтобы тренер, которого предоставит немецкий союз, мог бы их подучить некоторым приемам.

Мы, в ответ на эту ничем не сравнимую вежливость, весело расхохотались и объяснили, что наши борцы совсем не так плохи и слабы, как это думает германский товарищ. Доказательством тому являются неоднократные победы советских борцов над латышами и лучшими мастерами борьбы — финнами, обладателями всемирно известной «финской техники» борьбы.

Но по правде сказать, было немного беспокойно до тех пор, пока от наших борцов из Германии не пришли первые вести.

Оказывается всюду успех был полный. За всю поездку они не получили ни одного поражения.

3 советских мотоциклиста: Затулин, Морозов и Филиппов взяли на себя получение Высшего Совета Физкультуры отвезд грамоту, открывшейся в Лейпциге 1-й рабочей школы физического воспитания. К сожалению, им не удалось приехать к открытию, так как на Польской границе их задержали для «выяснения личности» (хотя паспорта и визы были в порядке). Добрившись до Лейпцига, гонщики оттуда поехали на Берлин, а затем совершили весь обратный путь до Москвы на машинах.

Когда выезжала сборная футбольная команда ССР в Германию, то, видя ее состав, можно было с уверенностью сказать, что наши не проиграют. Эта команда состояла из

наиболее сильных, наиболее опытных игроков Союза. И верно, все турнир в Германии прошло с исключительным спортивным успехом. Наши футболисты выигрывали везде с крупным преимуществом.

С несколько меньшим спортивным успехом, но зато с большим политическим успехом, совершили поездки украинские горняки и металлурги, а также закавказские профсоюзники. Эти команды не насчитывали в своих рядах чемпионов. Их поездка имела скорее агитационное значение. И несмотря на это большинство матчей было ими выиграно.

Впервые выезжавшие за границу велосипедисты сумели сразу же стянуть себе мировую известность своим исключительным успехом. В Германии и верили, что наши гонщики не профессионалы. «Такие колossalные достижения показывают только профессионалы», — говорили немцы, но рабочий Тульского завода Суханов их вскоре развеял, соглашаясь пойти на любой завод и стать на работу за станком.

Наконец, легкоатлеты побывали в Париже. Надо сказать, что во Франции рабочий спорт еще только нарождается, поэтому наши легкоатлеты не имели с тем сильных конкурентов, но зато в Берлине была жестокая борьба с финнами и немцами. В результате, финские легкоатлеты показали лучшие данные, заняв первые места.

Ленинградец Максунов выигрывает бег на 10.000 метров в Париже

Москвич Дьячков в Берлине прыгает с шестом

Без на 100 метров

СПОРТ—НА БОРЬБУ С ХУЛИГАНСТВОМ

Б. ГРОМОВ

Широкой волной по всему Союзу прокатилась кампания борьбы с новым злом, выросшим на почве невежества и темноты—хулиганством.

Спортивное движение, просыпающееся в своих рядах сотни тысяч организованной молодежи,— не могло быть стороне от этой борьбы.

Спорт, если к нему правильно подойти и достаточно его оценить, сможет сыграть большую роль в борьбе с хулиганством.

В кружках физкультуры попадают хулиганы.

Прежде всего сами обстановка деловой работы, подготовки к серьезным состязаниям, отвлекают его от мыслей о водке, о том, как бы позже убить свободное время и т. д.

Он, сам того не замечая, начинает втягиваться в работу, заниматься. В это время важен малейший успех.

Если парень хоть раз увидел, что может удачно выступать, выигрывать, его самолюбие не позволит бросить работу.

Он убеждается, что для того, чтобы выигрывать, надо вести нормальный образ жизни: не курить, бросить пить, правильно уметь пользоваться сном и отдыхом и т. д. Одним словом, ему придется волей-неволей и ознакомиться с правилами спорта, выяснить к нему Дальние успехи, новые товарищи, новые стремления и новый круг интересов заставят его окончательно порвать с прошлым и примкнуть к общественной работе.

Вы думаете, что сейчас в кружках физкультуры нет бывших хулиганов?

Есть и немало:

Но их теперь не узнать—это переродившиеся люди с вполне культурными запросами и привычками. А впоследствии—футбол, коньки, лыжи и т. д.

Итак мы признаем большую роль спорта в борьбе с хулиганством.

Но этого мало.

Надо суметь подойти к хулигану, суметь привлечь его к работе.

Между тем на практике известно, что многие кружки отказываются принять хулигана в свои члены... Это в корне неправильно... Хулигана нечего бояться; среки массы здоровой молодежи он незаметно для всех обрабатывается, отшлифуется. Конечно, это не относится к особо злостным, неисправимым элементам. Им место не в кружке физкультуры, а в исправительном учреждении...

Как это ни прискорбно, но приходится признать, что и в самом спорте, в особенностях в футболе и хоккее, до сих пор не изжили хулиганство. С этим встает вопрос: решительная борьба, которая, между прочим, должна сказать, будет доведена до конца, либо здесь мы имеем дело с организованной молодежью...

В этом году отмечаются особо частые случаи избиения футбольных судей публикой и игроками. — Не понравилось,

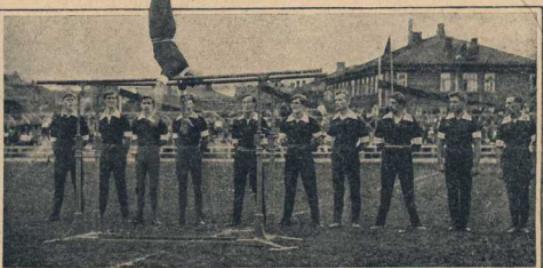
удалится с поля за беспрерывные грубости, не окончание матча решит отомстить эмульсию со временем с братом организовал кровавое побоище.

С этими нездоровыми явлениями борется специализированная комиссия МГСССР.

Игроки, хулиганиющие на поле, позволяющие себе грубости и некорректности по отношению к другим—снимаются с игр на известные сроки, а такие поступки, как это было у Троицкого, квалифицируются наиболее строго. Таким игрокам запрещают играть в футбол по всей стране в каких-либо городах СССР.

В подобных безобразных мы сами заслуживаем. Правда, какой обстановке играть футбольисты. На окраинах города, публика приходит не только сильно подвыпивши, а зачастую еще захватывает с собой «выпышку» и «засоску». А тут еще к услугам пьяной публики многие спортивные клубы открыли буфеты «с пивом». Тов. Семиненко говорит, что физкультура есть одно из средств борьбы с пьянством. Но это, видно, не все еще учили.

Спорт сыграет большую роль в борьбе с хулиганством, и для этого необходимо хулиганство окончательно, раз навсегда, искоренить в спорте.

На брусьях

Публике, как судье молодой судья, только что окончивший судейские курсы, игру команда завоевала «Котлодзапар» и «Просвещение труда», но и решили его поучить, учинив драку.

Или вот еще. Игрок завода «Русскабель» — Троицкий, которого судья

Момент одного из Русско-Германских матчей

Баскетбол

Мне снилось, что какая-то демонстрация шла по прямым и широким улицам сквозного города

БУДИЛЬНИК

Р. РОМАН

Говорят, что есть люди, которые, когда захотят, тогда и встанут. Не знаю. Не видал. По-моему, у них просто в голове (или в другом месте) будильник спрятан, и он-то их и будит. Так что хвастать тут нечего.

Впрочем—нет, будильник тут не причем. Будильник это, если начистоту говорить—сплошное надувательство. И вот почему. Я, например, сплю, как могильная плита, и если из-под меня не выдернут во время матрац, то я могу проспать доподъёма коммунизма во всем мире.

Конечно, находились благотельники, которым мой храп на-доедал, и они меня будили. Но не всегда это бывало время.

Когда я был безработным, меня мало беспокоила моя могильная способность. Но когда я получил долгожданное место на фабрике «Красная гвардия», то, боясь проспать, я два дня спал только от 6-ти до 8-ми часов вечера, а всю ночь сидел, трепетно дожи-даясь гудка. Такое время препровождения начинало гибельно отражаться на моем здоровье и я решил купить будильник.

II

Вам какой—с?— почтитель-но изогнулся продавец, — с нежностью или пощечиной?

Я не понял. Продавец, од-нако, тотчас дал разъяснение, заведя один из будильников. Раздались сладкие звуки какого-то «апольки».

— А, может быть, вы что-нибудь современное желаете?— лебезнул продавец, и из другого будильника полились необычайно нежные звуки «Молодой Гвардии».

ски выдержано, как ваш будильник. Дайте мне что-нибудь менее политическое, но более действительное. Перепробовал несколько будильников, я остановился на одном, звук которого был чем-то средним между звуком пулемета, «колкта» и взрывом ручной гранаты.

— Этот, кажется, будет по-надежнее,—сказал я.

V

В жизни не видал такого пред-приимчивого будильника! Начать хотя бы с того, что он начал действовать еще в трам-вае. Не успел я даже получить билет, как эта машинка за-звонила. Сидевшая рядом со мной женщина от неожиданности взвилась к потолку, чем воспользовалась какой-то юр-кой брюнет и заняла ее место. Скандал, однако, не успел разгореться, так как будильник все поднимал и поднимал качество своей продукции. От его звука могли бы встать из могилы мертвые и, вставши, умерли бы вновь из этого раза невы-носимых звуков!

Кондукторша упала в обморок. Вагоновожатый, думая, что душераздирающие звуки издают попортившиеся ось или затворившаяся буска, залез под вагон. Пассажиры беспновались. Я боролся с будильником. Я завертал его в пиджак, я садился на него и тогда, казалось, что звон идет из моего живота. В общем, меня вышибли из трамвая. Но стоило мне ступить на твердую землю, как этот дьявольский ме-ханизм замолк. Я обрадованно зашатал домой; я поставил будильник на столике у своей кровати, но едва я привел квартируюю хозяйку полюбоваться на него, как он зазвонил опять.

И он звонил до тех пор, пока не пришел управдом и не

составил акт о нарушении живи-тишины и порядка.

Тогда будильник замолк и ехидно посмотрел на меня своим блескющим циферблатором.

Я отдохнул. Я доказал свой ненаглядный Шурочку. Мы твердо решили, что запре-загерстируемся в Зате, и сегодня...

Но тут он зазвонил. Он зе-нил упенно, радостно, оглу-шильно. Он звонил так, как будто ему пластили за каждый звук. Нет, больше—он звонил как провинциальный агитатор. Я бросил в него курткой, Шур-положила на него подушку, и следствием этого было лих-то, что сосед постучал в стену и заявил категорично, что, если, мол, уж ребенок родился, ти-незем чого душить и мучить. Я посыпал соседу пожелания в благополучных алиментах, но это не облегчило моих душ Шуро не вытерпела:

— Или я, или этот ра-врат,—заявила она

Я взорвал, что за разве-роя я по 14 рублей не плачу.

И вот, в тот момент, когда Шуро ушла, хлопнув дверь, будильник замолк.

VI

Он молчал до двенадцати ча-сов следующего дня, когда, наконец, выбросил его в окно, прямо на чью-то мирную голову. Тогда что-то зазвенело. Но это была эта самая мирная голова.

Для чего это я написал?

— А прогулки?—спросил я вас.—Не бывает ли они инор-из-за будильника?

Если ты ляжешь в три часа утра после обильной выпивки—встанешь ли ты без будильника в семь? Если не встанешь, зап-чит, виноват будильник, а нет.

...что, если уже ребенок родился, так незем чого душить и мучить